

фантастическая
история

Алексей Кулаков

Великий князь

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Алексей Иванович Кулаков

Великий князь

Серия «Рюрикова кровь», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18168641

Великий князь: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2016

ISBN 978-5-9922-2229-6

Аннотация

Завершив свой жизненный путь в веке двадцать первом, пройдя сквозь боль, смерть и перерождение, наш современник обрел в новой жизни то, что желал больше всего. К чему стремился душой, о чем страдал сердцем, тянулся и тосковал... И пусть за окном ныне грозный и жестокий шестнадцатый век, где Русь только-только выкарабкалась из ямы долгой феодальной раздробленности и мир вокруг полон тревог и лишений. Пусть! Зато теперь у него есть настоящая семья, где его любят. А еще заботливый отец начал допускать своего наследника к семейному делу – тому самому, которым их род занимается вот уже почти шесть сотен лет. Войны и интриги, покушения на жизнь и предательство со стороны бояр и князей, тайные убийства и вполне себе открытые казни – одним словом, обычный семейный бизнес династии Рюриковичей на троне Московской Руси...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	18
Глава 2	55
Глава 3	92
Глава 4	135
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Алексей Кулаков

Великий князь

Пролог

Молодой мужчина и юный недоросль лет этак четырнадцати-пятнадцати, схожие лицом так, как только и могут походить друг на друга родные братья, преодолели крутой подъем на крепостную стену славного города Тулы. После чего младшему тут же прилетел легкий подзатыльник.

– Опояску поправь!

Отвернувшись, мужчина небрежно ткнул рукой себе за спину, указывая на далекие дымы, пятнавшие чистое синее небо:

– Вон там завод, в пяти верстах от Тулы. – Покосившись на младшенького, ехидно предложил: – Любуйся.

Вскочив между зубцами, отрок жадно огляделся и с тихой досадой плюнул в сторону пары санного обоза с мороженой рыбой, как раз подъезжающего к воротной башне, – стена оказалась не такой уж и высокой, чтобы с нее уверенно разглядеть завод. Но все равно наперекор брату он уверенно подтвердил:

– Экая красотища!..

Дозорный, прогуливавшийся невдалеке от тонких цените-

лей прекрасного, споткнулся на ровном месте. Потому что, на его непритязательный взгляд, государев литейный и кузнечный двор, отстроенный всего с год назад на левом берегу реки, иначе как нагромождением уродливых строений и называть-то нельзя было!.. Вечная суета мастеровых людишек, натуральные горы железной руды и древесного угля под навесами, вереницы телег, что эти горы пополняли под приглядом злых, словно цепные псы, стражников, и над всем этим резкий запах большой кузни, от которого временами першило в горле и саднило в груди...

– А ну-ка от края отойди!

Правда, чего греха таить, были во всех этих переменах для горожан и хорошие стороны. Уклад¹, что выпускали царские плавильни, особым качеством не отличался и для выделки клинков не подходил, зато его было *очень* много, и для кузнецов и ремесленников «туляк» был прямо-таки неприлично (и непривычно) дешев. Еще одним приятным обстоятельством было серьезное увеличение численности городских стрельцов и порубежной стражи – степные людоловы вот уже второй год предпочитали искать добычу подальше от тульских мест. Такая легота дорогого стоила! Опять же и плавильни эти вонючие поставили так, чтобы дымили они исключительно в сторону от города, а не на него. Уж как только и исхитрились?..

– Насмотрелся? Пойдем теперь поснедаем, а потом я тебе

---

¹ Так на Руси в XV–XVI вв. называли сталь. – *Здесь и далее примеч. авт.*

завод изнутри покажу.

Проводив мужчину в кафтане царского розмысла² и поспешающего вслед за ним недоросля долгим взглядом, дозорный сплюнул и пробормотал:

– Ну-ну. Покажет он...

Надо сказать, что сомнения его были вполне обоснованы, и двух всадников на их коротком пути до завода остановили и проверили аж три раза. Да и в ворота, устроенные в высоком деревянном частоколе, пропускать совсем не торопились...

– Куда! Назад.

Увидев, как грозно шевельнулись острия бердышей, братья тут же остановились, после чего старший удивленно поинтересовался:

– Вы чего это? Никак меня не признали?..

– Тебя-то признали, Нафан Кондратьич. А вон его – нет.

Звучно и укоризненно шлепнув себя по лбу, личный ученик самого государя-наследника запустил руку в странную плоскую сумку на боку, называемую довольно чудно планшеткой.

– Вот.

– Так, что тут... За успехи в учебе наградить Захарку, сына Кондратия, поездкой на Тульский железодельный завод за казенный счет. Писано собственноручно в феврале го-

---

² **Розмысл** – инженер (на Руси XVI–XVII вв.).

да семь тысяч семьдесят четвертого от Сотворения мира³. Две седмицы назад, стало быть? Гм!

Освидетельствовав дорожную бумагу с тисненными яркой киноварью орлами и полюбовавшись на красивую и в то же время невероятно затейливо-сложную тугру⁴ – подпись государя-наследника Димитрия Ивановича, старшей воротной стражи с неподдельным почтением вернул поистине драгоценный документ.

– Другое дело.

Подождав, пока служивые уважают их раскрытыми створками ворот (для менее дорогих гостей была узкая калитка), братья направились к самому большому из каменных строений – тому самому, из которого вырастала высоченная громадина трубы.

– А ну постой, торопыга.

Придержав младшего брата на входе в литейный цех, опытный размысл взял из расположенного тут же короба два небольших тряпичных сверточка.

– Помнишь про пыль вредную? Ну так надевай маску, да завязки потуже затягивай – не то с непривычки на кашель изойдешь. Да не той стороной надел-то! Вот теперь все правильно. Слушай сюда – от меня ни на шаг, под ногами у ма-

---

³ То есть 1566 г. от Рождества Христова (далее – Р. Х.).

⁴ Персональный знак-подпись правителя, содержащий его имя и титул. Со временем его полностью заменили печати и сложные рисунки на краях и в центре грамот.

стеровых не путаться, ни до чего без спросу не касаться.

Подождав, пока Захар послушно кивнет, родич рывком отворил дверь в раскаленное пекло:

– Вот теперь пошли.

Спустя полчаса дверь в литейный цех опять пришла в движение, выпустив на свежий воздух двух посетителей. Старший, если не обращать внимания на разводы пота на его лице, выглядел вполне достойно, а вот младший, с блестящим от соленой влаги личиком, дышал словно загнанная лошадь и хлопал ошалелыми глазами.

– Рассупонь одежду-то...

– А?!

– Эк тебя придавило!..

Расстегнув первые три хлястика на шубейке Захарки, брательник заодно избавил его от мокрой насквозь защитной маски, кинув ее вместе со своей в широкий короб – постирают, высушат, и они еще с дюжину раз к людской пользе послужат.

– Вот это да! Нафан, а как они там весь день? Это же... ужас прямо до чего жарко!

– Люди и не к такому привыкают, брате. Тем более это ты с непривычки сомлел, так-то оно все вполне терпимо. Вон видишь – стенные продухи?

Задрав голову вверх, недоросль оглядел странное окно – широкое, высокое, вот только вместо слюды в нем были установлены ровно оструганные доски, уже успевшие порядком

почернеть. Причем установлены они были донельзя странно: не пластью, не кромкой, а как-то в наклон.

— Государь называл их жа-лю-зи. Запомнил? Доски-лопасти насажены торцами на штыри и при необходимости могут крутиться всяко. В цеху к ним приставлен особый мастеровой, коий следит, чтобы сквозь жалюзи всегда проходило как можно больше света и воздуха.

— А как их крутят?

— К каждой доске рычажок малый приделан, а рычажки, в свою очередь, к длинной планке, которая и заставляет их всех двигаться заедино с остальными. Также и в крыше цеха есть широкие продухи, которые при необходимости открывают или закрывают. Ну что, отдохнул? Тогда пойдем далее.

Осмотрев изнутри один из больших ветряков, с помощью которых приводилась в движение хитрая заводская машинерия, и мимоходом глянув на вмерзший в лед высокий обод водяного колеса (первого в длинном ряду ему подобных), Захарий деловито шмыгнул носом:

— А где пушки и ядра лют?

— Вон в том цеху...

Бздынь!

— За что?!

Молча поддернув рукав братниной шубейки, Нафан указал на черный и изрядно пахучий мазок дегтярной смазки. Дал полюбоваться на свой кулак, намекая тем самым *мелко-му*, что подобного непорядка терпеть не будет, и как ни в чем

не бывало продолжил:

– Но нам в него хода нет. Точнее, тебе нет, а я там ничего нового для себя не увижу.

– Но как же?..

– По указу великого государя доступ в казенные оружейные мастерские только по особливому списку. Всех остальных велено считать подсылами и лазутчиками и поступать с ними соответственно...

С коротким смешком розмысл поведал брату о том, что хотя Тула и считается крупным городом, но на самом деле она навроде большой деревни, в которой все про всех знают и излишне хитроумных чужаков очень не любят. Так что если какой гость города пытается что-то разузнать о государевом кузнечном и литейном дворе сверх общеизвестного, то о его любопытстве тут же доносят дьячку Сыскаго приказа – со всеми вытекающими из этого последствиями. Подсылу быстрое знакомство с порубом и недоверчивыми дознавателями, а бдительному горожанину – от половины до трех четвертей имущества пойманного и изобличенного лазутчика.

– Так что язык держи за зубами и лишнего не болтай... Где ты там? Сказано же тебе, не отставай! Вот это называется «валки». Уклад, пока он еще не остыл, раз за разом пропускают сквозь них, словно тесто раскатывая до нужной толщины. Смотри, как раз новая полоса пошла!..

Очарованный творящимся прямо на его глазах действием,

отрок едва не перестал дышать, наблюдая, как светящаяся от жара отливка раз за разом проходит сквозь теснины больших чугунных «колбас». Недовольно искрит, шипит, раздраженно плюется во все стороны темной окалиной и послушно изменяется, превращаясь из узкой красной ленты в широкую темно-багровую полосу.

– Опять сомлел, что ли?

– Нет, брате!

– Тогда ладно. Вон там еще один прокатный стан – пруты-кругляки разные выделывают. Встань-ка сюда. Видишь? Те канавки на валах называются ручьями, от самого большого калибра справа до самого мелкого на левом краю. Сначала заготовку прокатывают на самом большом ручье, потом на том, который рядышком – он малость поменьше... Ну, в общем, катают до нужного размера.

За следующий час младший брат царского розмысла вдоволь насмотрелся, как горячий уклад безжалостно плюшат большими молотами, вырубая из листов разные непонятные штуки (хотя наконечники для стрел опознать все же удалось!). Гнут и многократно проковывают, закаливают и опускают, снимают кромку на больших точильных кругах...

– А это что такое, брате?

Нафан, к которому как раз подошел переброситься словом-другим его бывший соученик Михаил, нехотя отвлекся от собеседника и бросил взгляд на довольно странно выглядящую полосу уклада, ощерившуюся с одной из сторон ча-

стыми зубчиками.

– Ручки вон в те проушины приладят, зубцы заточат, и будет двуручную пилой. Самое оно деревья валить.

– А вон та? Тоже пилой?

– Тоже. Только для лесопильного стана – бревна на доски распускать.

– А это?

– Лом. Камень долбить или какому надоедливому почемучке по хребтине приложить!..

Отстав с расспросами от брата и понаблюдав, как дюжий коваль быстро сплющил один конец увесистого прута лопаточкой, а другой старательно заострил на манер копейного железка, Захар не выдержал. Оглянулся на старших, убедившись, что они полностью заняты беседой, быстро-быстро (пока его отлучку не заметили и он сам не передумал) подошел к груде стального «хвороста» и вцепился в один из ломов.

– Ух ты, тяжеленный какой!

Приподнял вверх, неловко махнул, примериваясь...

– Ой!..

– Ах ты неслух!

Бздынь!..

Вдобавок к правой ноге недоросля, на которую «удачно» попал плоским концом лом, пострадал и его затылок – от щедрой братской оплеухи.

– Тебе что сказано было! Ни шагу от меня, мастеровым

не мешать, ничего без спросу не лапать!!!

Бздынь!..

– Да ладно тебе, Нафаня. Вспомни, как сам по дури да от излишнего рвения едва под брызги жидкого уклада не подставился?..

Благодарно взглянув на нежданного защитника, лучший ученик в своей группе тихо шмыгнул носом.

– Розог ему для памяти всыплешь, вот и все.

Благодарность из взгляда Захарки испарилась быстрее, чем капля воды в раскаленной печи.

– Ногу покажи. Да сапог сними, дурило!!! Пальцами шевельни.

Оглядев нарождающийся синячище и помяв ступню, опухающую прямо на глазах, старший брат сплюнул и выдал заключение:

– Все цело.

Дернул рукой, едва удержавшись от отвешивания еще одного подзатыльника, и свирепо пообещал:

– Доберемся до постоянного двора, две дюжины горяченьких твоему задку пожалую!

Бывший соученик Нафана, ныне начальствующий над мастеровыми кузнечного цеха, весело расхохотался. А затем весьма многозначительно поглядел на сердитого розмысла:

– Ты это... в лекарскую избу его сведи.

– Уже отстроили, что ли? И кто там хозяйничает?

– Да сам-то лекарь пока не приехал – поговаривают,

что будет какой-то докторишка иноземный, но как и положено, с тремя учениками из нашенских недорослей. А вот травница уже десятый день как болезных пользуется.

Подмигнув молодому мужчине, его давно уже женатый ровесник вроде как равнодушно произнес:

– Боярышня Домна Дивеева в Туле самостоятельную практику проходит.

Слегка покраснев кончиками ушей, государев любимчик промычал что-то неопределенное. Затем покосился на брата и на полном серьезе задумался о мелком членовредительстве в собственном отношении, после коего он с полным на то основанием сможет встретиться с предметом своего тайного обожания.

– Но-но! Вот как выйдешь из моего участка, так и делай что хошь, а здесь и думать не моги!..

– Да не умышлял я ничего такого, успокойся.

А уши-то заалели еще больше... Чувствуя их предательский жар, личный ученик государя-наследника поправил шапку так, чтобы она села поплотнее, и быстро переменял тему разговора:

– Полосы уклада на хладноломкость⁵ давно испытывали?

– Месяц тому как в последний раз. Уж как ни стараемся, а все равно не держат сабли из «туляка» доброго удара, и все тут.

---

⁵ Склонность металлов к появлению (или значительному возрастанию) хрупкости при понижении температуры.

– Мне Димитрий Иванович как-то объяснял, что это из-за избытка фосфора в металле. Значит, как покупали у шведов железо, так и будем покупать, только меньше прежнего. Плохо!

Михаил на это лишь неопределенно хмыкнул. Ишь ты, самого государя-наследника запросто так по имени-отчеству величает!

– Сам знаю, что плохо.

Быстро оглядевшись по сторонам, цеховой мастер понизил голос:

– Ты мне вот что скажи... Я тут слушок ухватил, что тех из наших, кто за Камень Уральский поедет, сразу по прибытии боярская шапка ждет. А вотчины на них такие отпишут, что иным удельным князьям впору...

– Слышал звон, да не знаешь, где он. Захарка!

Провинившийся отрок слегка дернулся всем телом и заранее вжал голову в плечи, не ожидая для себя ничего хорошего – рука у брата была тяжелая, и на вразумляющие наказания он никогда не скупился.

– Поди-ка на свежий воздух.

Дождавшись, пока ковыляющий как беременная утка младшенький отойдет подальше, Нафан негромко заговорил:

– Не те, кто поедет, а те, кто на месте с уроком великого государя справится. Как первый уклад, или медь, или что иное им указанное в казну поставят, так и награда воспослед-

дует. И насчет вотчин не завидуй: земли отмерят изрядно, да только пахарей на ней нету. Так что вотчиннику придется ехать назад, искать охотников до новой земли из черносотенцев, да за свой счет везти их и обуустраивать. Вот так-то!..

– А кто поедет, уже определили? Нафан, ты ж меня знаешь – похлопочи, а? Век твоей помощи не забуду!..

– Тебе что, в начальных⁶ людях плохо? Лет десять послужишь, так и в дворяне выйдешь. И землица тульская куда как добра, а там, за Камнем Уральским, лес валить надобно, корчевать пни да коряги, с голого места начинать.

– Зато там крымчаки – гости редкие, и сам себе голова буду!.. Нафан, скажи прямо: да или нет?

Подумав, молодой розмысл согласился. Отчего бы и не замолвить слово за соученика, раз от этого никакого вреда, а совсем даже наоборот, сплошная выгода?

– Да. Только и ты мне поможешь.

– Благодарствую!!! А помочь – так только скажи чем, а я уж расстарюсь!..

С явным намеком покосившись вначале на ломик, а потом и по сторонам, влюбленный мужчина попросил содействия в организации встречи с глубоко запавшей в его сердце красавицей. Собственно, он бы и сам что-нибудь этакое утворил, но...

– Ежели сам поранюсь, Домна о том обязательно узнает.

– Вот ведь... дурная голова. Ну и? Хотя... постой.

---

⁶ В смысле – начальствующих.

Внимательно оглядевшись, начальник цеха остановил взор на лице возможного благодетеля. Вспомнил, как завидовал его успехам, а особенно статусу личного ученика, примерился к носу и спросил:

– Готов?

– Постой, ты чего это удумал?..

– Н-на!

С легким хрустом немаленький кулачок Михаила «подравнил» выдающийся «кдюндер» царевичева розмысла, задом выбив ему на подбородок кровавую юшку.

– Ты-ы!..

– Ой да ладно, не благодари...

Глава 1

– Прочь с дороги!..

Воротная стража тверского кремля, откровенно скучавшая и слегка потевшая в прикрытом сверху промасленными кожушками доспешном железе, резко встрепенулась.

– Бойся!..

А потом и вовсе напряглась, вслушиваясь в редкие повелительные окрики и дробный топот копыт. Но почти сразу же и расслабилась, еще издали распознав в троице запыленных всадников царских гонцов – вернее, одного гонца и двоих его охранников. На полном ходу пролетев воротную арку, посланцы великого государя одним своим появлением переполошили тверских бояр и дворовый люд, тут же начавший подтягиваться к усталой троице, но удовлетворить свое любопытство им так и не удалось. Так как вестник, узнав об отсутствии в городе наследника трона, ждать его в кремле не пожелал.

– Ишь!.. Похоже, дурные вести привез. Никак крымчаки большой ордой пожаловали? Али литвины зашевелились?.. А, старшбй?

Десятник воротной стражи отошел поглубже в тенек и лениво перекрестился:

– Типун тебе на язык!.. Или саблей помахать невтерпеж? Так я тебя на седмицу к постельничим сторожам могу при-

строить – им лишнее чучело только в радость.

Моментально спав с лица, служивый рьяно замотал головой в отрицании. Потому что семь дней, с утра и до позднего вечера, заниматься воинским учением с постельничими означало помимо своего желания приобрести великое множество шишек и синяков, оставшихся от пропущенных ударов. Сабельных, копейных, кулачных. Постельничим-то хорошо, их сам государь-наследник в случае нужды целит, а простому стражнику такое счастье даже и близко не светит...

– Вот то-то же. А тебе чего?

Подобравшийся к десятнику подчиненный, по молодости лет еще не заимевший нормальной бороды с усами, что-то тихо спросил.

– Ну, положим, могу. И?..

Выслушав новый вопрос, а вернее даже просьбу, старшой воротной стражи удивленно покачал головой:

– Еще один дурило...

Меж тем гонец с сопровождающими добрался до указанного ему места, еще издали заметив редкую цепь воинов в черных кафтанах, а чуть попозже и яркое пятно белоснежных одеяний государя-наследника Дмитрия Иоанновича. Приблизившись к внешнему кругу охраны, троица послушно остановилась при виде вскинутой руки сотника, а потом и вовсе спешила:

– Доброго здоровьичка, Петр Лукич!..

– И тебе, Сергей, не хворать. С чем пожаловали?

Достав из поясного кошелька небольшой тул, посланник повернул десницу так, чтобы было видно тяжелую печать алого сургуча. Моментально опознав оттиск личного перстня-печатки великого государя, сотник в ответ низко поклонился, но освободить дорогу даже и не подумал:

– Димитрий Иванович в полуденной молитве.

Это гонец уже заметил и сам – тринадцатилетний отрок царских кровей застыл на специально расстеленном для него коврике живой статуей, и только легкий ветерок время от времени шевелил тяжелые пряди его серебряных волос. Чуть-чуть ссутулившись и преисполнившись терпеливого ожидания, посланник из Москвы понятиливо кивнул и отошел в сторонку, с умеренным любопытством оглядываясь по сторонам. А заодно пытаясь понять – отчего это старший из царевичей вдруг возжелал помолиться в чистом поле, преклонив колени в середине сочного и яркого пятна густой травы? Между прочим, границы этой странной полянки на диво точно охватывали дремучие заросли боярышника и крыжовника, причем кусты друг с другом не перемешивались, а росли такими полукружьями, оставляя узкие проходы с двух сторон. И не просто росли, а щетинились изрядным числом колючек и шипов – их было так много, что создавалось впечатление этакого растительного «ежика». Удивленно хмыкнув, Сергей совсем было собрался обратиться за разъяснениями к сотнику, как его взгляд заце-

пился за стоящего в спокойном ожидании торгового гостя, чье имя было на слуху в стольной Москве. Многие завидовали Тимофею Викентьеву, богатству его, удаче да оборотистости, а более всего тому, что он первый нашел верную тропку к сердцу властного и молчаливого наследника престола, раз за разом кланяясь ему дорогими либерейными редкостями. Некоторые, прикинув количество серебра, что потратил на это дело купец, исходили завистливой желчью, а другие (те, что поумнее) чесали в затылках да искали его дружбы, ну или хотя бы приязни. Потому что водилось у Тимофея одно из тех драгоценнейших колец, что давали возможность напрямую обратиться к осиянному великой благодатью целителю. И не просто обратиться, а с надеждой на излечение от чуть ли не смертельных хворей!.. Первое кольцо ходило лишь среди именитой знати, второе передавали меж детей боярских и мелких служилых дворян. Третье принадлежало сословию торговому, четвертое – духовенству, а пятое могло оказаться на пальце любого черносошного крестьянина... Ну или какого посадского или городского ремесленника. Причем все знали – любой, пытавшийся нажиться на людском горе и нужде, будет лишен янтарного колечка. Можно было лишь передать его в дар, но никак не отнять, продать, обменять на что-то ценное либо каким иным способом потешить свою корысть. Исключение из этого правила было только одно – хитроумный купец своими постоянными подношениями так задобрил старшего из царевичей,

что тот время от времени награждал его кольцами темного янтаря, являвшимися, если можно так выразиться, дарами разового действия. То есть носящий его мог рассчитывать на исцеление, но кольца при этом лишался. Вспомнив некоторые слухи насчет того, сколько именно серебра гость торговый просит с желающих приобрести кольцо, гонец кинул на него неприязненный взгляд и демонстративно сплюнул. Вот же упырь, на людской беде наживается!.. Этому сребролюбцу о душе бы подумать, а он вместо того всю канатные и ткацкие мастерские ставит, да иных купцов гостиной сотни щемит нещадно, продавая парусину чуть ли не дешевле конопля, из коей она соткана...

Услышав какой-то невнятный звук со стороны одного из охранников, Сергей глянул в его сторону и тут же ощутил, как его пронизал словно бы теплый ветерок, забравший с собой накопившуюся усталость. Резко выдохнув, гонец буквально прилип взглядом к фигуре рослого отрока, который как раз одним плавным движением поднялся на ноги. Перекрестился, завершая молитву, привычным жестом откинул тяжелые пряди живого серебра назад и запрокинул красивое лицо к невозможной синеве бездонного неба...

– Теперь-то можно, Петр Лукич?

– Нет.

Постояв немного, наследник великого государя медленно двинулся вдоль колючей боярышниковой «изгороди», время от времени легко касаясь ее листков. Достав небольшой

кинжал, с заметным усилием срезал не особо толстую ветку, повертел ее в руках и разочарованно отбросил прочь, после чего повторил все свои действия в отношении зарослей крыжовника, только на сей раз вместо чувства разочарования на его лице проявилось явное недовольство. Вернув клинок в ножны, тринадцатилетний Рюрикович сложил руки за спиной и прогулочным шагом вышел из пятна буйной зелени, находясь при этом в легкой задумчивости. Чем ближе он подходил, тем сильнее чувствовалась исходящая от царственного отрока благодать – в груди разгорался невидимый огонь, тело наливалось силой и невероятной жадой движения, а восприятие обострилось так, что...

– Гонец.

Опомнившись после незаметного тычка в спину (спасибо сотнику!), мужчина согнулся в искренне-низком и отчасти благоговейном поклоне, одновременно протягивая вперед изящный кожаный тул. Внимательно оглядев затейливый оттиск единорога, выдавленный на алой капле сургуча, царевич легонько нажал ухоженными пальцами на печать, безжалостно ее ломая. Вскрыл футляр, вытянул на свет божий плотную бумагу, развернул и почти сразу изогнул бровь в удивлении:

– Хм?..

Скрутив обратно грамоту с родительским посланием, царевич на краткое мгновение задумался:

– Пока отдыхай. Ступай.

Дождавшись, пока мужчина в красной шапке отдалится на пару-тройку саженой, Дмитрий перевел взгляд на сотника своей охраны и вместо долгих разговоров вручил ему отцовское письмо. Лишний раз подчеркнуть свое доверие, а заодно прилюдно честь немалую оказать – опять же и языком трепаться не надо.

– Великое посольство Литовское... Через двадцать дней будет в Москве. Никак литвины новое перемирие желают устроить?..

– То лишь батюшке ведомо. Выезжаем поутру, налегке и поедем через Гжель.

Постельничий боярин всей своей фигурой постарался изобразить немой вопрос, желая прояснить столь странный выбор пути в Москву.

– Раз уж так все сложилось, то грех упускать возможность осмотреть новые мануфактуры и фаянсовый завод.

Понимающе поклонившись, старшой царевичевой стражи отошел к ожидающим его распоряжений десятникам, а освободившееся место занял сребролюбивый купец Тимофейка, держащий в руках малый отрез некрашеной шерстяной ткани.

– Получилось, государь-наследник, как есть получилось!..

Наблюдая, как руки царевича пристрастно мнут и растягивают довольно тонкое полотно, торговый гость горделиво улыбался. С гарусом⁷ фламандской или испанской выделки

---

⁷ Шерстяная ткань для пошива платьев.

его ткань, конечно, не сравнится. А вот с той, что делают в королевстве Польском, – очень даже! И шалон⁸ у его ткачих тоже вполне хорош выходит. Вот только с льняным атласом покамест беда – никак не получается, проклятый... Ну да ничего, со временем да божьей помощью и это дело сладится!

– Славно.

– А с той шерсти, что похуже, кошмы⁹ делаем да валенки потихоньку катать начали. Хорошая обувка получается – теплая да легкая. Красивая опять же.

Слегка отвернувшись, Тимофей едва слышно пробормотал:

– Жалко только, что дешевая.

Не обращая никакого внимания на стенания самого крупного русского производителя канатов и парусины (после казенных мануфактур, конечно), его тринадцатилетний покровитель и некоторым образом компаньон аккуратно свернул отрез ткани в небольшой сверточек.

– Очень хорошо.

Разом просветлевший ликом мужчина поклонился, пряча по-детски счастливую улыбку. А разогнувшись, уже был привычно серьезен:

– Государь мой... Семь гостей торговых Суровского ряда, да с полторы дюжины купцов гостиной сотни не раз уже

---

⁸ Плотная шерстяная ткань, из которой шилась верхняя одежда.

⁹ Войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

интересовались, не желаю ли я собрать товарищество, дабы купно¹⁰ вести все дела торговые. Я на то обещал подумать.

Вместе с последними словами Тимофей медленно вытянул из поясного кошелья несколько сложенных вчетверо листков бумаги. Медленно – потому что быстрые или суетливые движения стража очень и очень не любила. Вплоть до крепкой оплеухи или быстрой подсечки с последующим заламыванием рук – так, на всякий случай.

– Вот.

Быстро пробежав по именам достойных негоциантов и слегка задержавшись на суммах, которые они намеревались вложить в устройство новых ткацких и канатных мануфактур, Дмитрий с некоторым удивлением констатировал, что некоторые старомосковские торговцы имеют просто-таки уникальный нюх на возможную прибыль. Да и такое слово как «монополия» им явно интуитивно понятно...

– После долгих размышлений ты решишь, что товарищество – дело хорошее. О том, как все будет устроено, узнаешь через двадцать дней, когда я буду в Москве. Сам же до того времени подумай, откуда возьмешь новых людишек на ткацкие станы и просаки¹¹ и где надо поставить под них новые амбары. А лучше не просто подумай, но и сделай роспись потребного.

– Все исполню, государь.

---

¹⁰ Старорусское слово, означает – вместе, заедино.

¹¹ Станок для изготовления канатов.

Подманив одного из чернокафтанников, царевич отдал ему сверточек ткани и едва заметным жестом отослал прочь.

– Как твои сыновья?

– Радуют. Елпидия хочу в этом году вместо себя в плавание до Антверпена отправить – чтобы себя показал да на Фландрию поглядел. А у Калистратки недавно последний молочный зубик прорезался... Уж такой он у меня непоседа!..

С тщательно скрытым пониманием поглядев на счастливого отца, наследник престола московского чуть склонил голову и тихо произнес:

– Я очень доволен тобой, Тимофей, сын Викентия. А значит, мне должно наградить тебя за верную службу.

Синие глаза начали потихоньку наливаться небесным огнем.

– Помня то, что ты сделал, я позволю тебе самому выбрать награду. Говори.

Купец, слегка пригнувшийся от мягкого, но вместе с тем вполне ощутимого давления, без промедления приложил ладонь к сердцу:

– Служить тебе, государь, вот моя награда.

Миг-другой и ощущение благодати, исходящей от тринадцатилетнего целителя, бесследно исчезло. Вместо этого с легкой усмешкой в голосе и искрами смеха в глазах государь-наследник Димитрий Иванович задумчиво протянул:

– Ну, раз тебе третий сын не нужен...

Заседание Думы боярской в первый день июня года от Сотворения мира семь тысяч семьдесят четвертого проходило непривычно бурно. Как, впрочем, и пять предыдущих – ну так и вопрос того стоил! Воевать с Великим княжеством Литовским дальше или же склонить слух к предложению доброго мира? За первое были неоспоримые успехи русских полков, неизменно громивших литовскую шляхту и немногочисленных наемников. Воеводы, распробовавшие притягательно-сладкий вкус побед и жаждавшие военной добычи. Купцы, почуявшие леготу для своей иноземной торговли – да избавление от части пошлин и поборов. А также часть бояр, коих великий государь обошел плодороднейшими полоцкими землями, испоместив¹² там служилых дворян и отличившихся воев из числа детей боярских. Кстати, новоявленные землевладельцы тоже были за продолжение войны – потому что одним из условий мирного договора с литвинами был возврат честно завоеванного Полоцка. Только-только устроились на земле, почувствовали себя хозяевами и на́ тебе...

– А я говорю, Риги нам не видать!

– С чего это? Кто что взял, того и будет!..

Два боярина свирепо бодались взглядами, воинственно сжимая кулаки.

Бумц!

---

¹² То есть наградив земельным участком определенного размера – поместьем.

Тяжелый посох головы боярской Думы Бельского, стукнувший в пол, слегка охладил накал страстей:

– Говорим по одному, да не забывая о вежестве. Василий Михайлович Юрьев?..

Степенно огладив седую бороду, думной боярин мельком покосился на царя, внимательно слушающего каждое произнесенное в Грановитой палате слово:

– Через Ригу проходят почти все торговые пути Великого княжества Литовского. Да и у королевства Польского в этом городе немалый интерес – по Двине-реке у них большая часть зерна и леса на продажу в иноземные страны плывет. Кто же такое отдаст в чужие руки?

Переждав согласный гул своих сторонников, дальний родственник правящей династии солидно откашлялся и продолжил:

– И Полоцк им для того же нужен.

Бумц!

Намекнув уже открывшему было рот противнику-собеседнику Василия Михайловича на соблюдение порядка, голова боярской Думы покачал увесистый посох в руках. Как жаль, что нельзя им треснуть по маковке некоторым особо крикливым неслухам!

– А вот Ревель они нам отдадут, ежели, конечно, мы его у шведа сами сможем взять. И Выборг. А весь север Ливонии и так уже под нами. За остальное же можно, и даже *нужно*, побороться. Я за крепкий мир и дружбу с литвинами!

Что началось после этих слов! Если бы не присутствие великого государя и его наследника, иные бояре и в бороды своим соперникам вцепиться не постеснялись бы, и кулаками по бокам их отходить. Потому что уж больно заманчивы были предложения послов – взять да и разделить земли Ливонского ордена между Русским царством и Великим княжеством Литовским. По-соседски так... И по принципу – кто какую землю успел занять, тот ею и владеть будет. А ту часть Ливонии, что уже успели взять под себя шведы, предлагалось совместными усилиями освободить от их нежелательного присутствия и опять же мирно поделить.

– Да ты никак позабыл, что Ревель есть город-порт? И Выборг тоже. А?! Их без кораблей брать – только зря силы да время тратить. Али ты войско по воде аки посуху погонишь? Умник.

– Корабли можно и у Дании попросить!

– Так они тебе их и дали...

– Так и дадут! У них со шведами война, так что полдюжины кораблей для такого дела всяко наскребут. И Любек ганзейский чем-нито поможет, им шведы всю торговлишку с нами рушат. Они же не полные дурни – такую возможность упускать? Не то что некоторые...

– Что ты сказал, пень трухлявый?!

– А ну руками не замай!

Бумц! Бумц! Бумц!

Разгоревшийся словесный поединок, едва не перешедший

в выяснение отношений на кулаках, сначала утихомирил Бельский, а окончательно потушил сам великий государь, с явным недовольством шевельнувшийся на троне:

– Что скажет Вяземский?

В установившейся тишине князь встал и благодарно поклонился своему повелителю:

– Сама по себе Литва против нас жидковата будет, а Жигимонт Август по сей день не объявил посполитое рушение¹³. За нами же – ни одного поражения. Зачем делиться, когда можно взять под себя всё?..

Согласные шепотки части думцев тут же слились в тихую волну поддержки воинственного оратора.

– Со шведами у нас договор мирный, а Рига куда как лучше Ревеля будет, и уж тем более Выборга. Возьмем ее, и тогда вот где у нас Литва с Польшей будут!

Царский ближник весьма выразительно сжал пальцы в жилистый кулак.

– Чуть что не по-нашему, враз торговлишку им задущим! Держава Московская с того будет становиться сильнее, а они начнут потихоньку слабеть – что может быть лучше? А как укрепимся в Риге да на Ливонских землях, можно и о Ревеле подумать. Я за войну, великий государь.

Бумц!

Думные бояре, вздумавшие было высказаться в поддержку Вяземского, нехотя умолкли.

---

¹³ Военная мобилизация польской и литовской шляхты.

– Тебе слово, Хворостинин.

Молодой и не шибко родовитый, но отлично проявивший себя воевода пружинисто вскочил на ноги и низко поклонился – сначала Иоанну Васильевичу, а потом и его наследнику Димитрию Иоанновичу.

– Воюем мы хорошо, это правда. И Ливонию под себя взять можем, и это тоже правда. Только не вся. Вои русские сильны и храбры, но вот по части доспехов и доброго оружия мы литвинам уступаем. У нас дети боярские в тягилях и кольчужках, а у них вся шляхта в бахтерцах и пансырях. Да таких, что не враз и саблей возьмешь! В огненном бое также – пока до сшибки дело дойдет, они из пистолей чуть не весь первый ряд из седел вышибают! Так что победы наши немалой кровью оплачены.

– Все плохо, все умрут, хе-хе...

Проигнорировав тихий шепоток-насмешку, Хворостинин продолжил отвечать:

– Пока мы бьем литвинов, к землям Ливонским присматриваются соседние державы. И если Швеция с Данией заняты длящейся меж ними распрей, то королевству Польскому ничто не мешает двинуть свои полки на нас. А под такое дело и крымчаки пожалуют – поди Жигимот найдет, чем хана на большой набег сподвигнуть.

– Верно! Мы и сами так делали, когда Казань да Астрахань воевали!

Бумц!

В боярских рядах вновь воцарилась тишина.

– Слово мое таково: заедино с Литвой повоевать всю Ливонию да миром ее разделить. Одна сплошная выгода получается: и шведов в море скинем, и с датчанами отношения улучшим. А если Жигимонт Август что недоброе удумает, так против того литовская шляхта встанет, хотя бы из боязни потерять новые земли. Но даже если и не встанет – с одной державой воевать куда как сподручнее, нежели супротив четырех. Я за мир, великий государь!

Вновь поклонившись правителю и его наследнику, воевода Хворостинин сел обратно на скамью, а Иоанн Васильевич, с некоторой рассеянностью поглядывая на бояр, ненадолго задумался. Затем кивнул, словно бы с чем-то соглашаясь, и вызвал следующего оратора:

– Князь Михаил Иванович Воротынский. Что скажешь?

Без особой спешки вздев себя на ноги, родовитый боярин отвесил неглубокий поклон в сторону трона, после чего повернулся к собратьям по думской скамье. Им кланяться не стал (вот еще!), вместо этого степенно огладив начинающие сидеть бороду и усы.

– Вот тут говорят, что надобно воевать. Дело хорошее, не спорю. Землица там неплохая, да и добыча... кхм. Только у меня два вопроса. Первое – откуда взять новых воев взамен пораненных и убитых? Тульские, рязанские да и прочие порубежные помещики с ранней весны и до поздней осени супротив ногаев и крымчаков заслон держат. Да в степь дозо-

рами ходят, да строительство новых засечных черт охраняют. Поверстать их Ливонию воевать?.. Можно. Только степные людоловы сразу о том проведаят, а они в последнее время меньше чем в три-пять тысяч сабель в набеги и вовсе не ходят. Отучили мы их, с божьей помощью, считанными сотнями-то налетать.

Великий князь на это заявление благосклонно кивнул, и один из основных авторов нового Устава о станичной и пограничной службе¹⁴ тут же огляделся по сторонам – все ли то видели?

– И второй вопрос. Чтобы дальше с Литвой воевать, серебро надобно. Сами ведаете, в казне ныне пустовато. Амбары хлебные по городам строим? Строим!.. Избы лекарские и аптечные опять же. Сразу три засечных черты, да к ним две дюжины малых крепостиц, да четыре городка. В Сибири острожки ставим? Пушечный приказ на выделку орудий из тульского чугуна переводим?

Михаил Иванович чуть помолчал.

– Нет, конечно, можно собрать новые полки из посошной рати, но толку с них супротив литовской и польской шляхты... Плетями разгонят. Так что воевать-то можно, да вот только не на что. И некому.

Оглядев как своих сторонников, так и не согласных с ним противников мира, старый князь слегка напоказ поманил

---

¹⁴ Первый полевой устав русских войск, включавший в себя и организацию пограничного охранения.

к себе одного из думских писцов:

– Мыслью я, пора бы уже и замириться с Великим княжеством Литовским, хотя бы и ради другого, очень важного дела.

Приняв у писца тоненькую книжицу в невзрачном переплете и небрежно покрутив ей перед боярами и окольными, Воротынский пояснил свое заявление:

– Вот тут прописаны все набег степняков, даже самые малые, а также исчислен весь разор, что они учинили. Одних только душ православных в полон увели два раза по сто тысяч, да втрое больше посекали и стрелами побили, пока захватывали и на рабские рынки вели! Скотины домашней, рухляди, иного прочего... А сколько пожгли-попортили? Да если все на серебро перевести, хватило бы по всей Москве копейками улицы замостить!.. По всей Руси у церквей купола вызолотить! Ров с валом и частоколом поперек всего Крыма поставить!!!

Тряхнув книжицей в последний раз, Михаил Иванович бросил ее обратно писцу и продолжил, не обращая внимания на поднявшийся шум:

– Вот с кем воевать надо, вот от кого беречься.

Следом за ударом посоха прозвучал и голос думского головы:

– Тих-ха!

Ничуть не удивленный (или хотя бы заинтересованный) непонятно откуда взявшимися подсчетами и росписями,

царь внимательно оглядел две дюжины думных бояр и дворян, а поседевший на порубежной службе князь подвел черту под своей речью:

– Можно воевать, но года этак через два-три, когда под защитой новых засечных черт распашем много хорошей земли. Раненые выздоровеют, взамен убитых подрастут новые вои, оружия и припасов впрок заготовим, серебра поднакопим. А уж там... Я за мир, великий государь!

Едва заметно качнув головой, увенчанной тяжелой шапкой Мономаха, царь явно напоказ задумался – и, пользуясь этим, тут же оживились противники Воротынского. Особенно громко проявил себя Петр Иванович Шуйский, вполголоса поинтересовавшийся у главного порубежника царства Московского: где же это он взял такую книжицу со столь забавными измышлениями? И нельзя ли и ему, Шуйскому, в том же самом месте прикупить свежих побасенок?

– Сказки¹⁵ эти, Петр Иванович, писаны дьяками Разрядного, Земского и Поместного приказов для государя-наследника Димитрия Иоанновича. А вот цифирь касательно потерь от степных набегов исчислял он сам, и коли ты этому не веришь, али нашел ошибку какую, так сделай милость, поправь?..

Невольно дернув подбородком, Шуйский поперхнулся за-

---

¹⁵ Вполне официальный термин на Руси XVI в., производное от слова «сказы-вать, рассказывать». То есть отчеты путешественников, разведчиков, дипломатов, очевидцев каких-либо событий.

готовленными вопросами и потерял всяческий интерес к обсуждению книжицы. Зато его моментально приобрели все остальные – даже те, кто и не думал после окончания боярской Думы попросить оную почитать. Потому что первенец великого князя уже успел показать себя большим умником – не в последнюю очередь благодаря тому, что все его подсчеты-расчеты неизменно оказывались верными. Что в цифири, что в устройстве разных заводов и прочих новых дел...

Бумц!

Тактично напомнив всем присутствующим о порядке, Бельский вновь замер, а царь, «прекратив» размышлять, перевел взгляд на еще одного своего верного сторонника... может быть. Потому что в последнее время завелись у правителя некоторые сомнения в той самой верности...

– Андрей Михайлович?..

Князь Курбский долгих речей держать не стал, высказавшись коротко и по существу:

– Я за войну, великий государь.

Как вскоре оказалось, кардинально противоположной позиции придерживался окольный Петр Головин, чей род исправно поставлял московским владыкам надежных и умелых казначеев. И князь Мстиславский, давно уже поддерживающий своего государя во всех его решениях и основные трудности испытывающий лишь в том, чтобы правильно угадать пожелания своего повелителя.

– Что скажет Горбатый-Шуйский?

Едва заметно поклонившись трону, князь Александр оглядел своих сотоварищей-бояр. Кланяться он им и не подумал – его род всего лишь на ступеньку ниже московской династии, и не ему гнуть спину перед всякими там худородными.

– Думаю, великий государь, надо отдать Полоцк литвинам обратно. Город разорен, людишек в нем изрядно поубавилось, а мастеравые из него давно уже в иных местах обжились. Но отдать надобно не запросто так, а в обмен на добрые земли. Хотя бы те, где стоят городки Усвят и Озерище – хорошая мена выйдет!

Столь глубокую заботу о пользе государственной князь проявлял не зря. Из земель вокруг Полоцка ему не досталось и малой пяди, а добыча с полоцкого похода уже давно нашла приют в его сундуках. Пора было смотреть в будущее!.. Которое явно было за Ливонскими землями (уж там-то он своего не упустит!) и добычей с Ревеля и Выборга. Да и в Риге был хороший шанс чего-нибудь ухватить – вряд ли литвины откажутся от небольшой военной помощи.

– Я за мир, великий государь.

Вновь «задумавшись» о пользе своей державы, Иоанн Васильевич выдержал долгую паузу, затем внимательно оглядел думцев, особое внимание уделив Шуйским, ратующим за продолжение свары... Что ж, благодаря светлой голове своего первенца, у правителя было достаточно «кнутов» и «пряников» для того, чтобы направить боярство в нужном

царю направлении.

– Порешим о перемирии позже, еще раз хорошенько все обдумав и взвесив возможные пользу и вред.

Набольшие люди царства Московского тут же согласно загудели: действительно, негоже было решать все второпях. Всего-то десятый день обсуждение идет, куда спешить?.. Как раз будет время склонить на свою сторону тех, кто пока еще колебался в сомнениях. Да и уяснить не мешало бы, чего же на самом деле желают сам государь и его наследник.

– Пока же есть два дела, в разрешении которых мне нужен неотложный совет.

Родовитые тут же встrepенулись, умолкая.

– Первое дело.

Подхватив со стоящего рядом с тронem малого поставца свиток, великий князь небрежно повертел его в руках.

– Людишки розмысловые и рудознатцы, коих воевода Бутурлин разослал по землям Камня Уральского и царства Сибирского, отыскали богатую медную руду.

Гу-у!!!

Новость была куда как хороша, потому что до сего дня не было у Руси своей меди, причем от слова совсем. А тут!..

Бумц!

В моментально наступившей тишине хозяин державы продолжил, старательно давая насмешливую улыбку:

– А по берегам реки Миасс нашлось и самородное золото. Что присоветуете, бояре?

В этот раз голове Думы пришлось изрядно поработать по-
сохом, добиваясь тишины, — уж больно возбудились государ-
ственные мужи от таких новостей.

— Второе же дело касается устройства казенных хлебных
амбаров.

Родовитые тут же поскучнели, а троица князей так да-
же и моментально загрустила. Допустивший на сегодняш-
нем заседании изрядную промашку Петр Иванович Шуй-
ский, явно бодрящийся Иван Андреевич Шуйский и сильно
похудевший в последнее время Федор Скопин-Шуйский со-
всем не рады были царскому вниманию. Потому что не жда-
ли от одного ничего для себя хорошего. Зато явственно встре-
пенулся молчавший до того митрополит Московский и всея
Руси Макарий, а вслед за архипастырем проявил заинтере-
сованность и государь-наследник Димитрий Иоаннович.

— Из тридцати пяти к назначенному сроку будут полно-
стью готовы лишь осмнадцать. Еще три достроят чуток по-
позже. Остальные же...

Новый свиток переключал с поставца в сильные мужские
руки.

— Только ямы под основания и откопали.

Отбросив бумагу обратно, царь сжал резные подлокотни-
ки трона и с пугающей мягкостью в голосе осведомился:

— И как же это понимать?..

Стольник и кравчий великий литовский, каштелян трок-

ский, староста белзский, ошмянский и пуньский, а также глава Великого посольства Литовского Юрий Ходкевич слегка нервничал. И одновременно был преисполнен крайнего любопытства. Разумеется, подобная двойственность чувств у опытного воина и политика имела под собой очень веские основания, и первым из них были верные сведения о бушевавших в боярской Думе прениях между сторонниками мира и приверженцами войны. Кто возьмет верх, пока было неясно – особенно из-за того, что сам великий князь Московии еще ничего определенного не решил. Это литовского дипломата одновременно и тревожило, и давало определенные надежды: если бы государь московитов твердо хотел войны, то предложения мира отвергли бы сразу. Или нет? Ведь если подумать, то царским войскам тоже не помешало бы небольшое перемирие, дабы подтянуть свежие силы и основательнее укрепиться на захваченной земле.

– Стой.

Вторым же основанием, вернее причиной крайнего любопытства, был царевич Димитрий. Какие о нем ходили слухи!..

– Оружие!..

Недовольно нахмурившись, родовитый магнат¹⁶ земли Литовской невольно покосился на свое сопровождение, дер-

---

¹⁶ В Польско-Литовском государстве так называли вельмож, духовных и светских сенаторов или государственных советников (радные паны) и знатнейшее шляхетство.

жащее на руках широкие серебряные блюда с дарами. Но все же послушно (и даже без малейших пререканий!) снял с себя оружейный пояс, одновременно наблюдая за тем, как его особо доверенных слуг быстро обыскали. Нет, конечно же глава Великого посольства мог и возмутиться подобным гостеприимством... Но тогда аудиенции ему не видать как своих ушей.

– Прошу.

А увидеть того, о ком ходило просто дикое количество сплетен и совсем уж невероятных побасенок, хотелось весьма сильно, особенно в свете того, что сам Юрий Ходкевич был очень верующим человеком. Правда, с точки зрения католической церкви – не вполне хорошим христианином, ибо исповедовал лютеранскую ересь. Но ведь для юного православного царевича это обстоятельство должно было быть несущественным? Ему что католики, что лютеране, что кальвинисты – все без разницы, все на одно лицо. Или все же нет? Отбросив несвоевременные сомнения, каштелян трокский вошел в распахнутую перед ним дверь, мимоходом огляделся и... замер, пораженный прямо в сердце, потому что зеркало, которое он увидел, было просто чудовищно больших размеров. В человеческий рост!!!

– Езус Кристос!..

Недоверчиво огладив гладкий подбородок и длинные усы, мужчина вгляделся в невероятно чистое отражение, в первый раз за всю жизнь так четко видя себя со стороны. Редкие

нити седины в волосах, заметные морщинки вокруг глаз, волевой и властный взгляд, гордая осанка... Ставшая еще заметнее и горделивее.

– А ну пшел...

Напомнив сквозь зубы слуге, позабывшему все на свете при виде такой диковинки, его место (ишь что вздумал, рожу свою в зеркало совать!), родовитый шляхтич привычно хватанул ладонью воздух рядом с левым бедром и тут же вспомнил, что верная карabela осталась в руках дворцовой стражи. С некоторым трудом оторвавшись от своего отражения, достойный представитель рода Ходкевичей продолжил путь, успев подметить усмешку провожатого.

– Радный пан¹⁷ Юрий Ходкевич к государю-наследнику!..

Неторопливо проговаривая все положенные слова приветствия, мужчина откровенно разглядывал хозяина покоев, сразу же отметив для себя, что в одном слухи точно не врали – наследник престола московского был очень красив. Даже слишком красив! Нежная кожа лица и рук, аккуратно расчесанная грива серебряных волос, ровные и явно УХОЖЕННЫЕ ногти... Ха, да если бы не мужские одежды, царевича можно было бы перепутать с царевной!..

– Нравлюсь?

Опомнившись и растерянно кашлянув, радный пан лег-

---

¹⁷ **Рада** – высший орган государственной власти в Великом княжестве Литовском, в ее состав входили наиболее влиятельные должностные лица государства, католические епископы и крупнейшие землевладельцы. Радные паны соответственно – аналог думных бояр.

ко поклонился, скрывая тем самым возникшую неловкость. А затем и вовсе ненадолго отвернулся, подзывая одного из дворцовых служек (интересно, а куда это делись его слуги?..) с блюдом, на котором лежал первый дар:

– Сие чудо, государь-наследник, родилось в испанском Толедо и проделало немалый путь...

Взяв в руки затейливо изукрашенный пояс, он слегка напоказ надавил на один из рубинов рядом с пряжкой довольно несуразного (и малость потертого) вида.

Щелк!

И в руках литовского вельможи оказался уже и не пояс, а тяжелая шпага в богатых ножнах. Наполовину вытянув клинок, блеснувший золотистыми коленцами булата (и подметив краем глаза, как к нему шагнула дворцовая стража), он с небрежной гордостью добавил:

– С равной легкостью рубит и шелковый плат, и добрую кольчугу.

Вернув шпагу-пояс на блюдо, Юрий Александрович с немалым огорчением увидел, что его дар совсем не заинтересовал тринадцатилетнего царевича. Неужели в нем нет извечной мужской тяги к красивому оружию? К тому же немалой редкости и возрастом едва ли не в сотню лет! Впрочем, никак не выразив охватившее его разочарование, стольник и кравчий великий литовский подозвал к себе второго служку с блюдом:

– Позвольте также поднести вам несколько книг.

Вот теперь магнат подметил все признаки явного интереса, отчего тут же слегка приободрился и продолжил вещать:

– Первая и вторая есть древние исторические хроники, третью же сравнительно недавно написал Сигизмунд Герберштейн...

– Как же. Довольно забавное произведение эти его «Записки о Московии».

Замолчав, но ничуть не обидевшись на то, что его перебили, глава Великого посольства проследил, как лежащие на блюдах книги уплывают по направлению к хозяину покоев. У которого сквозь высокомерное равнодушие наконец-то проступил легкий интерес, а значит, гость все делает более чем правильно!..

– Сочинение декана капитула собора Святого Вита в Праге Козьмы Пражского, поименованное «Чешскими хрониками»¹⁸. Год тысяча сто девятнадцатый от Рождества Христова.

Бережно вернув первый из трех потрепанных томов на блюдо, красивый юноша взял следующий исторический труд (тоже, кстати, представленный тремя книгами, причем заметно большего размера):

– «Хроники и деяния князей и правителей польских»¹⁹.

---

¹⁸ Первая хроника на латинском языке, в которой была последовательно и относительно полно изложена история Чехии.

¹⁹ Хроника описывает деяния Пястов – первой польской княжеской и королевской династии, легендарным основателем которой был крестьянин Пяст.

Составлено скромным бенедиктинским монахом Галлом в году от Рождества Христова одна тысяча сто двенадцатом.

Еще один слух о царевиче получил свое подтверждение, ибо современную латынь знали многие (собственно, почти вся шляхта и немалая часть русских бояр), а вот бегло читать на старой латыни удавалось только монастырским грамотеям, и то далеко не всем. Тем временем, небрежно повертев в руках творение австрийского барона и дипломата фон Герберштейна, наследник отчего-то сильно им заинтересовался:

– Кто выбирал дары?

– Я сам, государь-наследник.

Одним лишь взглядом услав вон служек и двух из четырех стражей, царевич медленно пролистал «Записки о Московии».

– Хороший выбор... Хм, несколько страниц слиплось. Видимо, кто-то пил пиво во время чтения?

В первый раз за все время аудиенции улыбнувшись, юноша жестом предложил гостю приблизиться и сесть, одновременно с этим начав листать «Чешские хроники».

– Опять эти страницы!..

Вновь улыбнувшись, тринадцатилетний любитель книг спокойно попросил:

– Радный пан, вы мне не поможете?

Недоумевая от такой прихоти, Юрий Ходкевич бережно разделил пожелтевшие от времени пергаментные листы. Кстати, последние такой разлуке заметно упрямились,

и, чтобы не порвать тонкие страницы, ему пришлось пару-тройку раз лизнуть кончики пальцев языком, чтобы те не скользили по гладкой велени.

– Благодарю.

Отложив книги в сторону, юноша едва заметно улыбнулся, и литовский дипломат тут же использовал благоприятный момент:

– Государь-наследник, могу ли я спросить вас?.. Какими вы видите отношения меж царством Московским и Великим княжеством Литовским?

В двери неслышно проскользнула очень красивая служанка, поставившая на стол кубки удивительно прозрачного стекла на витой золотой ножке, после чего наполнила один из них вином, а второй – фруктовой водой.

– Отношения меж нашими государствами определяет мой отец, великий государь Иоанн Васильевич, и Дума боярская, я же пока не завел на этот счет своего мнения.

Незаметно потеряв внезапно зачесавшуюся ладонь и ничуть не разочаровавшись столь расплывчатым ответом, магнат продолжил свой напор:

– Но вы ведь понимаете, что даже худой мир лучше доброй ссоры?

В ответ царевич лишь согласно кивнул, продолжая внимательно смотреть на гостя невозможно-яркими синими глазами. Кстати, подтверждая тем самым еще один слух.

– А вы не знаете, что именно думает великий князь...

о целях нашего посольства?

Ладонь у мужчины зудеть перестала, зато внезапно начало покалывать в висках.

– Знаю.

Сказано это было легко и вместе с тем так, что каштелян трокский невольно выпрямился, чувствуя, что узнает сейчас что-то важное.

– И что же он... решит?

Отпив из кубка, будущий государь чуть-чуть тряхнул головой, убирая с глаз одинокую прядь:

– От вас зависит, радный пан.

– Простите, государь-наследник, не понял. Как это?

Отставив питье прочь, синеглазый хозяин покоев вновь едва заметно улыбнулся, но заговорил с гостем совсем о другом:

– В свое время на землях Востока придумали довольно занятный способ устранения неугодных. Бралась рукопись, желательно редкая, и яд определенного вида. Затем этой отравой пропитывалось несколько страниц – не больше дюжины, и желательно так, чтобы они слиплись. После чего книгу подносили в дар, и новый хозяин, пытаясь ее прочесть, волей-неволей касался своей смерти, добровольно принимая ее внутрь, когда смачивал слюной кончики пальцев... Чувствуете, как яд распространяется по вашим жилам? Занятное ощущение, не правда ли? Впрочем, я продолжу. Познакомившись с этими милыми восточными тра-

дициями во время Крестовых походов за освобождение Гроба Господня, монахи католических орденов, а также некоторые итальянские и испанские аристократы внимательно их изучили. А со временем начали потихонечку использовать.

Слушая размеренный и вместе с тем благожелательный голос хозяина покоев, Юрий Ходкевич поначалу подумал, что над ним жестоко шутят.

– Впрочем, кто-то и не потихоньку, например, Родриго из рода Борджиа, избранный в свое время папой Римским под именем Александра Шестого, был весьма талантливым отравителем...

Однако в том, что все всерьез, его убедило собственное тело. Нарастающий жар во рту, как будто он по ошибке съел добрую меру жгучего перца; усиливающаяся слабость и легкое головокружение; покрасневшие и начавшие опухать пальцы. Те самые пальцы, которыми он листал слипшиеся пергаментные страницы!..

– Это лишнее.

Оглянувшись, глава Великого посольства против своей воли слегка дернулся, потому что дворцовая стража как раз неслышно отходила назад, убирая боевые ножи.

– Радный пан, я слабо разбираюсь в законах и установлениях Великого княжества Литовского и королевства Польского. Вы не подскажете, как у вас казнят отравителей, посягнувших на жизнь короля или его наследника?

Попытавшись встать, дабы с честью ответить на прямое

обвинение, родовитый шляхтич вдруг понял, что не чувствует ног. Совсем. Вдобавок виски и лоб вдруг резко пробило испариной.

– Государь-наследник...

Слава богу, руки его пока слушались, хотя уже едва заметно дрожали – приложив ладонь к сердцу, мужчина неловко поклонился:

– Клянусь всем, что у меня есть, я не знал!..

Против своей воли Юрий Александрович поперхнулся, потому что необыкновенно яркие глаза царственного юноши вдруг засияли белым светом, превращая его в подлинного ангела. Ангела Смерти!..

– Что же ты замолчал? Говори, я слушаю тебя.

– Призываю в свидетели Бога – я невиновен!!!

Сиявший небесным огнем взгляд резко утратил свою силу.

– Он тебя не слышит... Как, впрочем, и любого из католиков.

Встав, царевич приблизился и плавно перекрестил кубок с вином.

– Зато услышал я. Пей.

Изо всех сил стараясь не торопиться и все равно проливая на грудь драгоценную влагу, магнат влил в себя противоядие, а его спаситель как-то мимоходом глянул на одного из стражей, тут же выскользнувшего за дверь.

– У тебя есть враги?

Чувствуя, как возвращается к нему жизнь, Юрий Александрович позволил себе осторожно кивнуть.

– Кто из них ненавидит тебя более всех?

Чтобы ответить, сорокадвухлетнему вельможе рода Ходкевичей не понадобилось долго вспоминать или предаваться мучительным размышлениям:

– Радзивиллы!..

– Вот как? Не думал, что им настолько выгодна неудача Великого посольства.

Тихий стук двери за его спиной отвлек каштеляна трокского и старосту белзского от кровожадных мыслей.

– Как зовут твоих слуг?

Со слабым удивлением поглядев на своих подручников (до них ли сейчас?), доставленных стражей в покои, глава Великого посольства нехотя ответил:

– Чеслав и Сбышек.

– Они верны тебе?

В ожидании ответа царевич взял в руки «Записки о Московии» и лениво их полистал.

– Да, государь-наследник.

– Хэк!..

Дворцовый страж одним смазанным от скорости движением вышиб сознание из Чеслава, после чего быстро уволок его безвольное тело за дверь. Шарахнувшийся в сторону Сбышек в покоях тоже надолго не задержался, но ушел своими ногами, явно не понимая, чему именно он только что

стал свидетелем.

– Ты ошибаешься, радный пан, не все из твоих слуг верны именно тебе. Некоторые получают свои тридцать сребреников совсем от другого господина.

Отбросив творение фон Герберштейна прочь, первенец великого государя Московии учтиво кивнул:

– Я благодарю тебя за твой ТРЕТИЙ дар, думаю, батюшке будет очень интересно, кто именно хочет моей смерти и неудачи Великого посольства.

– Но?..

– Возможно, тебе дадут прочитать допросные листы.

Вновь тряхнув головой из-за непослушных прядей, царственный юноша милостиво улыбнулся:

– Думаю, что мелкое недоразумение с книжными страницами не выйдет за пределы моих покоев. Если, конечно, твой второй слуга действительно верен ТЕБЕ.

– Благодарю, государь-наследник!..

Видя, что хозяин покоев вновь стал высокомерно-равнодушен, литовский дипломат отчетливо понял, что аудиенция подошла к концу.

– Надеюсь, что произошедшее никак не скажется на... отношениях меж нашими государствами?

Встав (причем так, что и магнат поневоле вскочил следом), царевич подошел ближе к гостю.

– Не скажется; твое посольство еще только подъезжало к Москве, а решение по нему уже было принято.

Подавив буквально рвущийся с губ вопрос (какое оно, это решение?!), каштелян трокский продолжил почтительно внимать, потому что голос его собеседника наполнился вдруг тяжелой властью и прерывать его осмелился бы только безумец.

– А что касается отношений меж мной и родом Ходкевичей, то... Общие враги сближают, не правда ли?..

Подняв левую руку, государь-наследник Димитрий Иоаннович медленно снял с мизинца простое кольцо темного янтаря, после чего и передал оное главе Великого посольства.

– Ступай.

Поклонившись так, как не кланялся и своему королю Польскому и Великому князю Литовскому Сигизмунду Августу, родовитый шляхтич прижал воистину царский подарок к груди. Еще раз поклонился и почтительно попятился к двери, находясь в полном смятении чувств. За довольно короткое время он ощутил дыхание смерти (причем не только своей, но и остального посольства – уж покушения на своего первенца великий князь Иоанн Васильевич никому бы не простил!), затем его исцелили, обелили его доброе имя и честь, нашли слугу-изменника... Какие намеки он услышал, какие предложения!!! Даже если Великое посольство окончится полной неудачей, для него самого и рода Ходкевичей оно принесло больше, чем он мог рассчитывать в самых смелых своих мечтах. Остановившись прямо посередине одного из дворцовых переходов, дабы внимательно огля-

деть янтарное колечко, мужчина прочитал начальные слова «Символа веры», выгравированные на внутреннем ободке кольца. Взвесил его на руке и бережно убрал в тайный кармашек на поясе, пробормотав напоследок:

– Вот и не верь после этого слухам!..

Глава 2

В самом сердце Теремного дворца – царских покоях – вот уже третий день было неладно. Пользуясь тем, что Иоанн Васильевич на радостях от благополучного заключения «мира на вечные времена» с Великим княжеством Литовским отбыл со своей молодой супругой на соколиную охоту, в царский Кабинет проникли посторонние люди. Мало того, они начали там громко и безбоязненно шуметь и вести совсем не государственные речи:

– Потихонечку опускай. Да говорю же тебе, тише!
От так... Придави-ка здесь, а я пока расклиню.

Тук-тук-тук!..

– И охота тебе этот куль сквозь все три поверха тащить?
Эвон в окошко сбрось, только не пришиби кого ненароком...

Бух!

– И-раз! И-два!..

Запах свежего дерева, горячего воска, сырой штукатурки и свежих красок буквально переполнял светлицу, где великий государь вершил свои державные дела.

– А что они делают? Мить?..

После звонкоголосого девчоночьего вопроса суэта мастеровых моментально прекратилась, а сами они согнулись в низких поклонах перед наследником трона и его сестрой, девятилетней царевной Евдокией.

– Продолжайте.

Первым ожил постельничий дьяк, приглядывающий за мастеровыми. Затем вернулись к жизни скребки в руках у трех плотников, коими те «освежали» дубовые плахи пола перед воцелением. Вслед за ними начали шевелиться столы, собирающие нечто непонятное на двух мощных опорах, а еще два плотника, как раз выломавшие из проема старое окно, бережно прислонили его к стене и стали готовиться к установке нового...

– Это наш подарок батюшке, Дуня.

Сначала осторожно, а потом смелее потрогав золотистые завитки тонкой стружки, малолетняя царева немного удивилась:

– Наш?..

– Конечно, наш. Федор придумал узор, который выложили цветным стеклом по краям новых переплетов. Вон тот, видишь?

Дмитрий аккуратно приподнял кусок поскони, укрывающий временно снятые с новых окон створки, показав ей труды младшего из царевичей.

– Иван измыслил для батюшки новый стулец.

Еще одна посконная тряпка слетела прочь, открывая любопытному взгляду что-то вроде небольшого трона на четырех изогнутых резных ножках, обтянутого красным аксамитом и с вышитым на спинке золотыми и серебряными нитями большим двуглавым орлом.

– Присядь. Удобно?

– Ага. Мягкий. А ты что придумал?

– Стол. И вон те полки для свитков и книг.

Поглядев на покряхтывающих от натуги столяров, как раз укладывающих в обклад из мореного дуба мраморную столешницу, обтянутую плотным зеленым сукном, Евдокия внезапно надулась:

– А я ничего не подарила, да?..

– Как это ничего? Иди-ка сюда.

Подведя ее к длинному коробу и развернув тряпки на одном из свертков, лежащих в нем, Дмитрий покачал в руке красивый подсвечник из светло-зеленого оникса.

– Не узнаешь?

На всякий случай шмыгнув покрасневшим носиком, девочка взгляделась:

– Нет.

Ничуть не огорчившись, старший брат порылся среди свертков, вытащив на свет божий точеную чернильницу.

– А это?

– Тоже нет!

Завернув в тряпицы оникс нежно-бежевого цвета, первенец Иоанна Васильевича запустил руку глубже, явно выискивая что-то конкретное. Нашел. Сначала стаканчик для разноцветных чертилок, затем точилку для них же, исполненную в виде оскалившего пасть медведя. Ну и напоследок – палочки со стальными перьями-наконечниками.

– Ой! Помню, я его рисовала!..

Девичий ноготок поскреб темно-коричневого медведя по вздетой для удара лапе. Затем в тоненьких пальцах оказались золотая и серебряная палочки для письма, которые девятилетняя царевна тоже как-то рисовала, заодно придумывая им форму. Между прочим, не просто так, а по просьбе старшего брата! А он, значит, даже не сказал!.. Легонько дернув за серебряные пряди, Евдокия притворно обиделась:

– Обманщик. И притворщик. Бяка!..

Хмыкнув, любимый братик стянул с нее расшитый крупными жемчужинами волосник, после чего, не обращая никакого внимания на возмущенное бурчание, погладил старательно заплетенные косички.

– Пойдем, не будем тут мешать.

Строптиво топнув ножкой и вырвавшись из родственных объятий, Дуня уже непритворно расстроилась. Едва-едва пришли, она еще толком ничего и не рассмотрела, а уже уходить?.. Вот еще!

– Не пойду! Я на тебя обиделась!..

Бум-бздынь!

От неловкого движения столяра слетела на пол и рассыпалась коробка с коловоротом и сменными насадками-сверлами, Евдокия же разом оказалась за спиной брата, опасливо выглядывая из-под его правой руки.

– Жаль. А я как раз думал почитать с тобой какую-нибудь сказку. Может, даже и новую...

Стоило ему отвернуться и отойти буквально на пару шагов, как сзади прозвучал пронизанный обильными сомнениями голос девятилетней привереды:

– Новую? А про что?..

– Какая разница. Ты ведь обиделась, а значит, и читать ничего не будем.

– Ну, Ми-итя!.. Скажи, какую?

Резко остановившись – так, что сестра буквально ткнулась ему в спину головой, Дмитрий вроде как нехотя развернулся:

– Даже и не знаю. Ты ведь, поди, еще и мой урок не сделала?

Вместо ответа девочка прикрыла свои чудесные голубые глазки и на пару мгновений замерла.

– Какая ты у меня умница!.. Что же, по трудам и награда – выбирай сказку сама.

– Хочу про Аленький цветочек!.. Ой, нет – новую хочу! А как называется?

Брат и сестра уже покинули Кабинет, поэтому любопытствующим мастеровым пришлось изрядно постараться, чтобы расслышать что-то вроде:

– Быль про храбрую девочку Эльку, ее верного пса Тотошку и доброго кудесника Изумрудного города...

Когда вдоволь натешившийся соколиной охотой великий государь возвратился в Москву, в его покои уже второй день как вернулись привычные тишина и порядок.

– Уже можно?..

– Не-эт!!!

Облепившие своего родителя младшие царевичи и царевна потянули его вперед, кое-как втиснувшись в дверной проем Кабинета, Дмитрий же, довольно улыбаясь, следовал позади расшалившихся детей, уговоривших отца закрыть глаза повязкой.

– А теперь?..

– Можно-можно!!!

Поддев сложенный втрое шелковый платок, Иоанн Васильевич тут же замолчал, удивленно осматриваясь. Когда старшенький попросил дозволения на «небольшую перестановку по своему вкусу» в Кабинете, он с легким сердцем разрешил – почему бы и нет? Придумщик Митька известный, давно уже не ребенок (к сожалению), так что худого уж точно не утворит.

– Батюшка, тебе не нравится?

Первое, что бросилось в глаза, бесследно исчезли прежние глухие слюдяные переплеты из крашенного под цвет подоконников свинца. А на их месте появились распашные окна из лакированного дерева и прозрачного стекла, отчего солнечные лучи впервые за долгое время беспрепятственно освещали затейливую роспись стен и потолочные узоры, заодно придавая им какой-то незнакомый вид. Блестели воцеленным буком аккуратно-одинаковые полки, вытянувшиеся вдоль одной из стен, – кто-то уже успел бросить на них пару книг и одинокий свиток... Но более всего привлекали вни-

мание главы семейства большой стол и стоящий в дальнем уголке странно высокий и массивный поставец.

– Отчего же. Нравится, и даже очень!.. Дайте-ка я вас расцелую!..

Незамедлительно выполнив свое намерение, растроганный отец поблагодарил каждого из отпрысков, после чего отправил среднего и младшего сыновей смывать с себя пыль странствий (как-никак, вместе с ним на охоте были!), дочке же шепнул про корзинку с маленькими детенышами горностая в ее покоях.

– Сыно, ты про этот стол мне все уши прожужжал?

Старшенький, стоявший у двери, тут же приблизился:

– Про него, батюшка.

Полюбовавшись искусно вышитым на спинке кресла двуглавым орлом и одоббив труды мастериц едва слышимым хмыканьем, великий государь присел на обновку и добродушно распорядился:

– Показывай, что тут к чему.

– Да, батюшка. Вот тут и тут – выдвижные ящички для важных бумаг и иного прочего. Здесь набор для письма – чертилки, перья стальные и обычные, чернильница...

Надо сказать, родителю очень понравились ровная гладь столешницы и медведь-точилка, а также потаенный ящичек, становящийся доступным только при одновременном нажатии на два разных места стола.

– Как, говоришь? Завиток и?..

– Вот этот выступ.

С тихим щелчком часть резной панели сдвинулась в сторону, позволяя тем самым себя подхватить. И вытянуть, обнажая внутренности небольшого и пока еще пустующего тайничка.

Щелк!

Панель встала на место, а правитель Русского царства присел на одно колено и придиричливо осмотрел внешнюю сторону ухоронки.

– Изрядно. А кто делал?

– Ефрем, столяр Особливого амбара. Рассказать никому не сможет.

– Что, крестоцеловальную клятву тебе дал? Хм. А это что?

Высокий поставец несуразного вида оказался совсем даже и не поставцом, а толстостенным ящиком из уклада. Нет, снаружи-то как раз было дерево...

– Изрядно!.. А где проушины для замка?

Приглядевшись, хозяин Кабинета тут же обнаружил небольшую замочную скважину.

– Ишь какая малая...

– Нет, батюшка, это обманка: запор устроен иначе. Видишь вот эти четыре кругляшка с внутренней стороны дверцы?

Трр!..

Медленно (чтобы отец все хорошенько разглядел и за-

помнил), Дмитрий набрал четыре цифры и захлопнул дверку первого в мире сейфа с кодовым замком. Затем подергал ручку и опять же медленно и напоказ выставил те же самые цифры на небольших наборных дисках, неплохо замаскированных под элементы внешней отделки. Легкое движение ручки, и дверка плавно распахнулась, открывая доступ к трем абсолютно пустым отделениям.

– Это что же, любые цифирьки можно накрутить? Так. А ежели по твоим крутилкам чем тяжелым ударить? Молодом, например?

– Сломаются. Тогда, чтобы открыть, придется ОЧЕНЬ долго хорошее зубило тупить. Месяца за два, может, что и выйдет...

– А иначе – никак?

– Никак, батюшка.

Оглядев слегка утопленную в корпус дверку и небольшой зазор, довольный именинник погладил стальное хранилище в том месте, где внутри видел хитрые петли. Попробуй их достань зубилом – снаружи-то!..

– М-дам, изрядно.

Самостоятельно закрыв-открыв подарок, великий князь расплылся в довольной улыбке. Такие новинки ему нравились!..

– Что за мастер делал?

– Ящик и дверку с петлями отлили на заводе в Туле. Замок сделал сам, и собрал все вместе – тоже сам.

Давно уже переставший удивляться талантам первенца, царь с легким довольством хмыкнул, в какой раз думая – любит его Бог, раз такого сына послал. Ох любит!!! Потискав Митьку в крепких объятиях (исключительно по-отечески!) и порядком взъерошив тяжелую гриву волос, тридцатипятилетний родитель рассмеялся в полный голос.

– Ну, батюшка!..

– Поговори еще у меня.

Довольный, как!.. в общем, сильно довольный Иоанн Васильевич проследовал в свою спальню, где первым же делом вскрыл окованный толстыми железными полосами сундук – после чего и перетаскал его содержимое (при самой деятельной помощи сына, конечно) в новое хранилище. Тубусы с картами заняли нижнее, самое большое отделение – такое большое, что в нем заодно поместились все важные челобитные и доносы. В среднее одна за другой легли пять тоненьких рукописей, между прочим, удивительно похожих на ту, что с месяц назад вертел в своих руках князь Воротынский. И опять же – с полдюжины грамоток самых разных размеров. Ну а самое верхнее отделение удостоилось всего двух книжиц изрядно потертого вида и десятка пухлых мешочков с самым разным содержимым. В одной калите было серебро, в шести других – полновесное золото, ну а последние две не звенели, а тихонечко побрякивали. Так, как если бы в них были драгоценные камни...

– Вот теперь можно и в мыльню идти. Федька с Ванькой

нас, поди, уже заждались. А, сыно?

Однако сохранить хорошее настроение надолго им было не суждено, потому что недалеко от заветной дверки в царские мыльни отцу и сыну попался на глаза служивый в кафтане постельничего дьяка. Стоял он смирно, но с такой постной рожей, что и самому недалекому уму стало бы понятно, что приказной имеет важные и не очень приятные вести.

– Говори...

Низко поклонившись, плюгавенький служитель приблизился и что-то зашептал. Дмитрий не слушал, что именно докладывает постельничий дьяк, хотя, при желании, и мог бы – отец не держал от него особых секретов. Какие тайны от наследника и первой опоры в державных делах?.. Нет, он сам не стремился вникать во все без исключения родительские заботы, потому как ему уже и своих хватало.

– Ступай.

Зато изменившееся настроение родителя сын ощутил моментально: исчез добродушно-теплый настрой с оттенками горделивого счастья, сменившись раздражением, густо замешанным на непонятной опасности (за него?) и желании кого-нибудь прибить. Очень мучительно, да чтобы подольше, подольше!..

– Батюшка?

– Пойдем.

Только через полтора часа, вдоволь посидев в парилке, опробовав веники из свежих березовых листьев и залив

прорезавшуюся жажду прохладным духмянистым квасом, Иоанн Васильевич отмяк душой. Услав младшеньких сыновей остывать и одеваться, царственный отец похлопал ладонью рядом с собой, приглашая старшего садиться поближе.

– Верные людишки с Литвы весточку прислали.

Моментально поняв, о чем идет речь, Дмитрий насторожился – уж слишком много надежд и планов он связывал с тем, чтобы отцовские прознатчики установили УДОБНЫХ заказчиков покушения на его жизнь. Даже, наверное, и не удобных, а единственно необходимых. Мало ли что там Ходкевич лепетал про вечных соперников своего рода магнатов Радзивиллов... Даже если вдруг это и правда, все равно – мелко, слишком мелко для задуманного...

– Бенедиктинцы.

Чувствуя, как в родителе вновь начинает разгораться гневный огонь, сереброволосый подросток легонько погладил отцовскую руку.

– Я сразу о том говорил, батюшка, или иезуиты, или бенедиктинцы.

– Помню. Как и о том, что сам Жигимонт Август к сему злоумышлению руку приложил. – Не сдержавшись, глава правящего дома рыкнул в приступе злобы: – Прихвостень папешный, сам пустоцветом живет и других потомства лишить желает!!! Словно тать ночной, все дела свои норовит исподтишка обстрять...

Окончательно успокоившись, московский властитель

не удержался и сплюнул на пол.

– Висковатов ведь доподлинно вызнал – Жигимонтишке мир и дружба меж нами и Литвой – что в сердце нож острый!..

Дверь в предбанник открылась, пропуская князя Вяземского.

– Поди вон!

Афанасия словно ветром сдуло. Не приходилось даже и сомневаться – через пять минут все заинтересованные лица уже будут знать о плохом настроении повелителя.

– Что молчишь, сыно?

– Думаю и вспоминаю, батюшка.

– И о чем же ты думаешь?

– О том, что долг платежом красен. И о том, почему меня поперед тебя отравить решили.

Внимательно поглядев на своего наследника, Иоанн Васильевич надолго замолчал. Убийство правителя соседней державы не было чем-то запретным, если смерть приходила к тому на бранном поле. Или в результате ловко организованного дворцового переворота. Бунт черни или смута среди бояр тоже были уважительной причиной – слабому государю не дано удержать власть! Остальное же... было неуместно. С другой стороны, раз последний Ягеллон действует столь бесчестно, так и держать его стоит не за собрата-государя, а за погань, чести никогда не имевшую! А с такими – все дозволено, все разрешено!.. Хотя, конечно, торопиться с таки-

ми решениями никак нельзя, надобно все хорошенько обдумать и взвесить.

– Ты, сынок, живое доказательство того, что вера наша – истинная. Что деяниями и помыслами своими мы идем по стезе, заповеданной Создателем. Всего лишь прослышав о благодати твоей, людишки литовские да польские переходят под руку Москвы. Под нашу руку! А не станет Жигимонтишки, и все княжество Литовское от королевства Польского тотчас отшатнется, государя себе на стороне искать станет. Бояр да шляхты православной там покамест поболее, чем предателей-католиков!

Помолчав и бесцельно погоняв стаканчик с квасом по столу, старший Рюрикович внезапно хмыкнул:

– В посольстве Великом многие именитые литвины к тебе присматривались. О делах и привычках твоих расспрашивали – что за нрав у тебя, какие забавы любишь и не бываешь ли гневлив попусту. Смекаешь, Митька, к чему их интерес?

– Да, батюшка. Только католики, и в особенности бенедиктинцы, костыми лягут, но не допустят меня на трон Литвы.

– Ну, это мы еще поглядим... Ладно, что ты думаешь, я понял. А вспоминал о чем?

– Поначалу о бабке двоюродной, княгине Елене Ивановне²⁰. Потом о бабушке родной, Елене Васильевне²¹. А напо-

---

²⁰ Дочь великого князя Московского Ивана Третьего была выдана замуж

следок и матушка вспомнилась.

Намек получился что надо, ибо все три великих княгини умерли как раз от яда. Поэтому совсем не удивительно, что прямо на глазах у сына отец потемнел лицом и с явственной надеждой поинтересовался:

– Узнал, кто Настеньку отравил?..

– Сколько ни вопрошал об этом, знание сие так и не открылось.

Сереброволосый подросток и его родитель помолчали, думая каждый о своем.

– Батюшка. Папежники не успокоятся, пока не добьются своего. Есть яды, называемые составными и состоящие из нескольких частей. Каждая в отдельности безвредна, поэтому сколько ни снимай с питья и еды пробы, такую добавку не различишь. Соединившись же в теле жертвы, они превращаются в страшную отраву. Еще есть яды с долгим действием, добавляемые малыми частями...

– Я и без тебя про то знаю!..

Моментально вспыхнув и так же быстро успокоившись, великий государь Московский пошарил взглядом в поисках

за Александра Ягеллончика, великого князя Литовского и короля Польского. По смерти мужа хотела вернуться в Москву к родне, но так как в этом случае пришлось бы отдавать все ее имущество (включая очень большое приданое), сначала ей начали чинить всевозможные препятствия с отъездом, а через год вдовая королева очень быстро заболела и умерла.

²¹ Жена великого князя Московского Василия Третьего и мать Ивана Четвертого (Грозного), была отравлена Шуйскими.

легкой медовухи. Не нашел и тут же нетерпеливо прикрикнул:

– Эй, кто там есть?!

Почти без задержки показался один из мовников: ближние бояре и дворяне, кои обычно и прислуживали князю в банных делах, предпочли проявить не свойственную им скромность.

– Медовухи.

Вновь оставшись вдвоем с сыном, отец положил руку ему на плечо, тем самым молчаливо извиняясь. Открылась дверь, пропуская князя Вяземского, рискнувшего вновь появиться перед грозными очами своего повелителя, стеклянный графинчик тихо стукнул о край небольшого серебряного кубка...

– Ступай, Афоня.

Подождав, пока дверка плотно закроется, Иоанн Васильевич в два глотка опустошил кубок, самолично наплескал себе новую порцию и с сомнением поглядел на сына. Подумал, но все же налил и ему. Кваса.

– Про яды твои составные много кто слышал, да никто их не видел: аптекарь наш Арендишка как-то говаривал, что перевелись-де умельцы, способные такое сварить. И я те его слова крепко проверял, сыно. Так что не бери себе в голову все эти страшилки...

– Я могу.

Открывший было рот для очередной успокоительной сен-

тенции, правитель понял, что вновь недооценил таланты своего первенца.

– М-да.

– Батюшка. От меня не скрыть любую отраву в еде и питье, но ты и братья с сестрой того не могут. Я... очень боюсь потерять кого-либо из вас. Как матушку.

– Ну-ну, откуда такие мысли?

Осушив кубок, Иоанн Васильевич вздохнул и слегка сгорбился. Вновь налил себе душистого меда, чуть-чуть поколебался, затем все же выплеснул на пол квас из берестяной кружечки сына и наполнил ее сладковатым питьем. Не полностью, конечно, так, от силы на треть.

– Вижу ведь, придумал уже что-то. Говори уж.

Через пять минут размеренного шепота, разбавленного очень тихими вопросами и ответами, Великий государь, царь и Великий князь всея Руси ненадолго замер в полной неподвижности, затем медленно и как-то грузно поднялся, напроць позабыв о хмельном. Уже перешагнув высокий порог, он остановился, окинул взглядом вскочивших на ноги ближников и нехотя обернулся назад:

– Я подумаю.

Теплой июньской ночью царящая в небе луна, заметив наплывающие с запада дождевые тучи, начала светить особенно ярко, с извечным своим любопытством заглядывая в окна домов и проникая в людские чаяния и сны. Скользила паль-

чиками прозрачных лучей по крестьянам и боярам, ремесленникам и купцам, монахам и воинам, смотрела и не видела ничего для себя нового. Хотя... проникнув сквозь удивительно чистое и большое стекло в одну из спален Теремного дворца, небесная красавица прикоснулась к разметавшейся по подушке светлой гриве волос, скользнула по нежной коже лица и закинутой за голову руке...

Ш-шш!

Проснувшись посреди ночи от слитного шороха мелких капель дождя, Дмитрий пару мгновений соображал, что это такое прервало его сон, наполненный весьма сладкими видениями. Зевнул, чуть шевельнулся, после чего приподнял покрывало и со слабым удивлением обозрел кое-какую часть своего тела, победно вздыбившуюся вверх.

– Вот блин...

Глубоко вздохнув, он с несколькими «потягушечками» покинул ложе, находясь в непонятном состоянии: вроде бы образовался весомый повод для радости, но отчего-то хотелось сходить по-маленькому и завалиться спать. Увы, пока он наполнял нужную бадейку, сон (подлец этакий!) куда-то убежал. Прислушавшись к себе еще раз, царевич сладко зевнул, прошлепал к открытому на ночь окну и выставил наружу руку, которую тут же обдало мокрой прохладой.

«Душа хочет спать, а тело нет. Ну что за жизнь, а?»

Постояв, нагой подросток ненадолго вернулся к ложу за покрывалом, а заодно привычно-бездумным движением

подхватил с малого поставца можжевеловые четки, после чего устроился на подоконнике со всеми возможными удобствами. Разум, наслаждающийся звуками и запахами теплого ночного дождя, потихоньку заполнялся мыслями, и созерцатель сам не заметил, как начал лениво размышлять. Поначалу о том, что сразу после полудня его ждет двухдневная дорога в Тверь, и значит – здравствуйте, активные тренировки с луком, самострелом, седельными пистолетами и (разумеется) саблей и копьем. Затем мысли плавно перешли на новости из Ливонии, коими с ним щедро поделился отец: притихшая на время война вспыхнула там с новой силой, но не против Литвы, а вместе с ней – последнее обстоятельство весьма неприятно удивило как шведов, так и датчан. Впрочем, последние свое недовольство постарались скрыть, и пока русско-литовские полки спешно подтягивали к Риге, Выборгу и Ревелю осадные жерла²², датские дипломаты упорно торговались, набивая цену за участие своих кораблей в полной блокировке городов-портов с моря. Вроде бы дело шло к согласию...

– Тьфу ты!..

Косой порыв ветра бросил мелкие капли небесной влаги внутрь окна, слегка намочив краешек покрывала, лицо и часть белеющих в темноте волос. Сплюнув в окошко, наследник царства Московского поерзал на подоконнике, отодвигаясь чуть подальше от шаловливого ветра, а мысли его

---

²² Пушки большого калибра, используемые для разрушения крепостных стен.

оставили Ливонскую войну и коснулись вещей более мирных и прозаических. К примеру, недовольства тем, как проходит его «производственная практика» в Тверском уделе.

«М-да, практика получается откровенно корявой – урывками и мимоходом. Зато в Туле вдоволь насиделся, в Гжель часто заглядываю, а Александровская слобода так вообще вторым домом стала. И как в таких условиях познакомиться поближе с тверской элитой и купечеством? Особенно если вокруг крутится куча приказных дьяков и прочих «помогальщиков» из Москвы?..»

Нет, совсем уж бесполезными свои «набеги» на белокаменный кремль Твери он назвать не мог, потому что кое-каких перспективных купцов и бояр удельного княжества он все же приметил. Да и опыт самостоятельного правления тоже приобрел, заодно проверив свои возможности администратора и управителя. Конечно, нельзя было сказать, что княжество под ним расцвело и резко разбогатело, нет. Но некоторое (причем вполне заметное) оживление в делах строительных и купеческих определенно имело место быть. А уж гостей и паломников в городе образовался заметный переизбыток: желающие хоть краешком глаза увидеть государя-наследника, испить благословленной им воды или получить исцеление прибывали в Тверь чуть ли не толпами и иногда устраивали тринадцатилетнему целителю настоящую осаду.

– Н-да.

Честно говоря, царевич очень надеялся на то, что его будущая «полевая практика» как военачальника пройдет более... спокойно и продуктивно. И очень желательно, так сказать, «одним куском». Тем более что тонкости военных действий на западной границе ему обещались преподать более чем успешные воеводы князя Хворостинин и Горбатый-Шуйский. А как именно гонять степняков на востоке взялся научить чрезвычайно опытный порубежник князь Воротынский и его главный подручный воевода Адашев. Вот уж кого удача любила как родного и благосклонно улыбалась каждый раз, когда тот планировал и совершал дерзкие набеги в крымскую степь!.. Благодаря стараниям окольничего мелкие и средние кочевья степняков уже не рисковали приближаться к рубежам Русского царства ближе чем на пять дневных переходов. А те, кто рисковал, рано или поздно лишались всего, что имели, включая и собственные жизни.

Грр-рм!

Слабенький отзвук далекого грома на мгновение перекрыл шорох дождя, отвлекая сереброволосого подростка от тягучих размышлений – вернее, направляя их в другое русло. Заканчивался июнь года тысяча пятьсот шестьдесят шестого от Рождества Христова, но никакой Опричнины²³

---

²³ **Опричнина** – часть государственной политики в Русском государстве (1565–1572), состоявшая в отторжении в пользу государства имущества, государственном терроре и системе чрезвычайных мер.

великий государь так и не объявил. И в этом Дмитрий видел свою первую крупную победу: начав с демонстрации своих способностей, он продолжил обрабатывать отца аккуратно продуманными «озарениями и предсказаниями», обставляя свои «пророческие откровения» таким образом, чтобы часть сведений можно было легко проверить. Со временем, всего лишь подождав два-три года. Скорая смерть османского султана Сулеймана Великолепного, золото, медь и драгоценные камни Урала, серебро Нерчинска, набеги степняков, моровое поветрие, неурожайные года... В плюс пошли и новые производства, которые «осиянный благодатью царевич» с грехом пополам строил, запускать и налаживал: те же печи для фарфора пришлось переделывать семь раз! А насчет Тульского сталелитейного вообще были сильные сомнения, что его получится «поставить в строй». Однако ж справился!..

– Да уж...

И теперь эти новые производства наполняют казну полноводным ручейком серебра. Вернее, не так. Сам по себе новый источник русских серебряных чешуек и голландских талеров зародился еще до появления производств фарфора, стекла и стали – тогда, когда казна стала продавать излишки бумаги новой выделки. Затем в один прекрасный день всех челобитчиков обязали писать свои прошения только на особой бумаге с оттисками державных орлов, и хилые струйки серебра немедля окрепли и налились силой, превраща-

ясь в тоненький, но постоянный ручеек. Опять же тоненьким он был до того, как в Гжели начали выделывать большие листы на диво прозрачного стекла. После появления фарфора (поначалу достаточно грубого и без какой-либо росписи) уже вполне себе большой ручей стал потихоньку разрастаться в мелкую речку, по мере того как новость о русском фарфоре и фаянсе, изделиях из уклада, бумаге и стекле достигала иноземных купцов. Вот уж кто поначалу просто не верил своим ушам, а потом и привалившему счастью!.. Ведь Московия куда как ближе Китая, а значит, и обернуться с товаром можно не один, а все два, а то и три раза – лишь бы денег хватало. Ну а на месте их ждал настоящий шок при виде зеркал просто невозможных размеров и чистоты отражения – последние, кстати, добавили в потоки серебра толстые золотые струйки...

«И наверняка – седины и многочисленных инфарктов стеклодувам с острова Мурано²⁴, потому что их зеркала в сравнении с выделанными в Гжели есть полное дерьмо. Да и стекло их тоже – мелковатое и мутноватое. Ничего, Венеция государство богатое, не обеднеет».

Действительно, когда он в свое время (и в прошлой жизни) наткнулся на описание того, как венецианские стекло-

---

²⁴ **Мурано** – крупный остров Венецианской лагуны, всемирно известен своим стекольным производством. В 1291 г. городской совет решил вынести сюда мастерские по производству украшений, чтобы уберечь секреты мастеров от конкурентов и избавиться от пожаров, которые могли быть вызваны раскаленными горнами.

дувы «ваяли» свои зеркала, то не удержался от уважительного покачивания головой – мастера с Мурано явно знали толк в извращениях. Для начала они выдували из стекла относительно небольшую сферу. Чуть-чуть ее остужали, затем заливали внутрь зеркальную амальгаму на ртути, способную поспорить своей ядовитостью с чистым мышьяком. Опять ждали, затем в очередной раз дырявили сферу, сливая амальгаму (и попутно вдыхая ее испарения), осторожно разрезали стекло на несколько частей, старательно их распрямляли скалками... получая кривоватые зеркала размерами чуть больше мужской ладони. Но даже за такие шедевры им с превеликой охотой платили золотом по весу изделий!.. Кстати, последнее Дмитрий совсем не собирался как-то изменять – более того, он специально озаботился тем, чтобы гжельские зеркала все как один отличались повышенными сверх необходимого толщиной и весом. Про их «великанские» размеры, понятное дело, не стоило и упоминать – недаром же первый «заход» Великого посольства Литовского в Грановитую палату едва не обернулся тяжелыми увечьями у гордой шляхты. Потому что так вытаращить глаза, а потом ими же периодически косить на четыре ростовых зеркала в богатых рамах, закрепленных на стене у самого входа – никакого здоровья не хватит, хотя бы и богатырского.

«Интересно, если бы Ходкевич и прочие дипломаты узнали, что проволочки с их официальным приемом были только лишь из-за того, что в Гжели не успели изготовить зерка-

ла и расписные фарфоровые сервизы для великодержавных понтов... они бы обиделись?»

Осознав, что его мысли пошли немного не в том направлении, подросток недовольно шевельнулся, медленно перебирая можжевельные бусины четок. Его стараниями, а также благодаря архипастырю московскому Макарию, опасность Опричнины удалось если и не устранить, то сильно ослабить, направив мысли и деяния Иоанна Васильевича в сторону от быстрого, но изрядно кровавого пути укрепления государственной власти в русло постепенных изменений. Зачем бороться с открытым недовольством, а то и сопротивлением родовитой знати царства Московского, насильно забирая все прежние вольности и привилегии, когда можно (и нужно!) устроить все так, чтобы эта знать сама себя ослабляла? Помочь одной группировке родовитых против другой, затем руками третьей добить победителя... Разумеется, для подобного образа действий требовались определенные терпение и хитрость, но уж этих качеств у великого князя было достаточно. В качестве примера можно было привести некогда сплоченный клан князей Шуйских. Четыре года назад потомки младшего брата Александра Невского почти по любому вопросу выступали единым фронтом, а теперь? Князь Горбатый-Шуйский в большой чести как победоносный воевода и во всем поддерживает своего государя. Князя же Шуйские, Петр Иванович и Иван Андреевич, совсем наоборот, в опале. Так как были уличены перед боярской Думой

в нецелевом использовании казенных средств и небрежении порученным им делом.

«Сами же свалили все дела на Федора Скопина-Шуйского, а потом удивляются: чего это их ругают, а его сдержанно похвалили? Дятлы!»

Нет, опальные вельможи конечно же пытались оправдаться тем, что они-де – воины и управители, а строительные дела им несколько чужды... Что же, великий государь милостив и справедлив: немного их пожурил, присудил вернуть неправильно израсходованное серебро, наложил большую пеню сверху, после чего направил порядком обедневших воителей-управителей на возведение Рязанской засечной черты. Там и от степняков надо постоянно отмахиваться, и посошной ратью управлять – короче, самое оно, чтобы полной мерой проявить все свои таланты!

– Проворуются, как пить дать проворуются.

В качестве меры поощрения работников, отличившихся на устройении засечной черты, планировалось награждать – не деньгами, конечно. Косами, пилами, лопатами, ножами-топорами. Откованными, между прочим, из тульского уклада. Чтобы Шуйские да не поправили свои дела продажей таких наград? Да быть того не может!.. А после того как их воровство вскрыется, прямая им дорога за Камень Уральский, осваивать новые вотчины, старые же отойдут в казну, с полного на то одобрения боярской Думы. Ну, может, и не одобрения, но понимание данного действия точно будет

присутствовать.

«А если думные бояре не проявят должной чуткости и понимания, отец мигом припомнит уже им все многочисленные грешки – например, допущенные при составлении Бархатных книг»²⁵.

Вспомнив, какой переполох и суеда образовались два года назад среди всех князей, бояр и дворян, наследник трона ядовито улыбнулся: по указу его царственного родителя родовитые царства Московского для попадания в эти самые книги должны были документально подтвердить свое высокое происхождение. Жалованные грамоты на вотчины и титулы, записи в церковных книгах, упоминания в монастырских летописях – все это было достаточным доказательством. Да вот беда: слишком уж часто случались свары меж удельными княжествами Руси, и очень уж хорошо в этих сварах горел пергамент...

«Кстати, чернильные строчки еще и неплохо подчищали или правили все кому было не лень. Потому что иногда получалось так, что запись о родовитом прашуре есть, но лучше бы ее и вовсе не было – или предок в свое время измазался в чем-нибудь дурнопахнущем с политическим уклоном, или выставился совсем уж откровенным предателем и братоубийцей».

---

²⁵ Родословная книга наиболее знатных боярских и дворянских фамилий. В реальности составлена в 1687 г. по приговору об отмене местничества (1682) и после прекращения составления разрядных книг. Название происходит от бархатного переплета.

Впрочем, это мало кого останавливало. Тех же, кто никаких грамот и записей не имел вовсе, шли по веками проверенному пути подношений и челобитных. Первое доставалось думным боярам и приказным писцам, второе же, вместе с обильными доносами на мздоимцев-бояр, попадало в руки Иоанна Васильевича и бережно хранилось. До поры до времени.

Грр-рм!

Поворчав напоследок далеким громом, дождь стал утихать, постепенно превращаясь в слабую морось, которую расшалившийся ветер тут же начал закидывать в открытое окно. Сладко зевнув, Дмитрий вдохнул летние запахи и глянул на ложе, уже заждавшееся своего хозяина. Вернув взгляд за окно, он увидел, как по мокрой земле кремля осторожно передвигается десяток стрельцов, направляющихся на смену воротной страже, и тут же вспомнил про еще одну причину, по которой Опричина не состоялась. То бишь про полтысячи сирот-недорослей, поверстанных на государеву службу из боярских детей и бедных дворян – как говорилось в указе, «для устройства нового стрелецкого полка». Это если официально. А если неофициально и вправду, то в подмосковной деревне с редким названием Березовка как раз заканчивали строительство казарм, в коих следующие четыре года будут жить и учиться воинскому делу будущие командиры пехотных и кавалерийских полков. Пять-шесть лет и у великого государя Московии появится весомый аргумент

в виде регулярной армии, способной поприжать боярскую вольницу и остудить самые горячие головы родовитой знати. До температуры сырой земли.

«Будут, обязательно будут у отца свои янычары! А потом они и ко мне по наследству перейдут, лишь бы серебра на обучение, обмундирование-вооружение и содержание хватило...»

Вдоволь посмаковав далекие перспективы, Дмитрий внешне ощутил мимолетный приступ озноба, Впрочем, навстречу ему из средоточия тут же плеснула волна ласкового тепла. Простейшие манипуляции с собственной энергетикой стали настолько привычны, что уже не требовали даже и малейшего участия сознания... Чуть дрогнули пальцы, поглаживая гладкие бусины четок, затем подросток слегка привстал, намереваясь дойти уже наконец до ложа, но замер, а потом и вовсе сел обратно. Поднес правую ладонь к лицу, разглядывая три янтарных шарика и невзрачный серебряный крест, сжал одну из трех золотистых бусин, вновь ощущая непривычно-упругую подвижность давно уже окаменевшей древней смолы.

– Не понял...

Коснувшись самым краешком далекого горизонта, ласковое июньское солнце тут же раскрасило пушисто-белые облака во всевозможные оттенки ало-желтых цветов. Затем россыпью мелких золотистых брызг окатило закованные

в слюду узкие окна-бойницы тверского княжеского терема, окрасило в ало-розовый цвет его бревенчатые стены... А напоследок уставшее за день светило отразилось от ухоженного оружия и бахтерцов небольшого воинского отряда, успевшего в Тверь аккурат до закрытия ворот.

– С прибытием, государь-наследник!

Благосклонно кивнув на приветствие дозорной стражи, синеглазый отрок неспешно перекрестился на икону Иоанна Предтечи, закрепленную в стрельчатом киоте²⁶ над воротной аркой. Затем ласково похлопал по шее своего вороного аргамака, обещая ему скорый отдых, отчего тот без малейших понуканий двинулся вперед, горделиво неся своего всадника. Глухой стук копыт тут же стал громче и звонче, потому что подковы били уже не по сырой земле, а по булыжной мостовой, появившейся в результате особого «каменного» налога князя тверского Димитрия Иоанновича. Каждый купец, прибывающий в Тверь, был обязан привезти десяток булыганов определенной формы и размера. И с любой подводы, приезжающей на торг, тоже два-три камня въездной «пошлины». Плюс в результате одного из первых указов юного правителя все пойманные в княжестве воришки и лихие люди обрели постоянную занятость, сытную кормежку и бдительную охрану – на каменоломнях.

– Истинно говорю вам, грядет Страшный суд!!! Перепол-

---

²⁶ Особый украшенный шкафчик (часто створчатый) или застекленная полка для икон.

нилась чаша гнева Его...

Увидев богатые (хотя и изрядно запыленные) одежды и гриву серебряных волос, один из юродивых на ступенях белокаменного Спасо-Преображенского собора резко возбудился, начав во все горло орать грозные словеса и пророчества, но, увы, старания его пропали втуне, и тринадцатилетний правитель не удостоил крикуна даже и мимолетным взглядом. Не считать же за желанный результат нездоровое оживление среди собратьев по паперти и троих прихожан, опасливо перекрестившихся на храм?..

«Вроде уже не весна, через три дня июнь закончится, а у этого до сих пор обострение не прошло. Или у шизофреников это дело зависит от настроения, а не от сезона?..»

Добравшись наконец-то до княжеского терема, Дмитрий прямо из расшитого серебром седла направился в баню, дабы как можно быстрее смыть с себя дорожную пыль и запахи сыромятной кожи, доспешного железа и конского пота. Разумеется, не один – с некоторых пор на одиночество он мог рассчитывать только в пределах своих покоев (да и то не всегда) и в нужнике. Относительно недавно удостоенный звания рынды с рогатиной Тарх Адашев, княжич Горбатый-Шуйский, троюродный брат Василий Старицкий, рында большого саадака²⁷ Федька Мстиславский, подручник Мишка Сал-

---

²⁷ **Рында с большим саадаком** – главный оруженосец царя или его наследника. Также были рынды с другим саадаком, с меньшим копьём, с рогатиной, с шеломом и т. д. Простые «безымянные» рынды являлись рядовыми оруженосцами-телохранителями при великих князьях и их потомстве.

тыков... Так называемая малая свита, в которую входит еще и задержавшийся в Москве княжич Скопин-Шуйский и выполняющий в Туле его поручение Богданка Бутурлин.

– И-эх, хорошо! Сейчас бы еще медовухи!..

Петр Горбатый-Шуйский, на правах самого старшего по возрасту и родовитости ближника, огласил витающие в предбаннике настроения, дополнив их заговорщицкой улыбкой.

– Хм.

– Так я распоряжусь?

Правильно истолковав еле слышное хмыканье своего господина, шебутной княжич тут же выскользнул за дверь, искренне сожалея, что царевич совсем не интересуется пригожими девицами. Тяжело вздохнув и вспомнив сразу несколько теремных девок с обильными телесами, восемнадцатилетний Петр слегка поправил простынку вокруг бедер (что-то жать начала) и озвучил одному из стольников желание государя-наследника насчет легкой медовухи. Сам княжич предпочел бы вкусить крепких стоялых медов, но без прямого указания синеглазого властителя тверского удела кто ж ему нальет?.. А значит, только сбитень, квас и легкая медовуха. Ну или вино. Причем такое, что иная водичка покрепче будет. Разве это жизнь?..

– Наконец-то!

– Промочим горло...

– Я кваском обойдусь.

– Ну и дурак!

Подхватив с широкого блюда два кубка разом, предприимчивый княжич протянул первый своему господину:

– Как ты любишь, Димитрий Иванович, вишневая!

– Благодарствую.

Довольно кивнув, наследник суздальских князей приземлил мосластый зад на лавку, отхлебнул из кубка пару глотков и активно включился в довольно вялую беседу, для начала оживив ее пошлым намеком насчет скучающих без должного внимания тверских девиц. Переждав волну хохотков и фырканий, Петр начал увлеченно вещать про очень важные и волнительные для каждого юноши вещи. Как-то: про охоту, игру в ручной мяч, о девицах легкого нрава. Затем родовитые недоросли обсудили редкое оружие, дорогих скакунов, девичьи упруго-фигуристые достоинства, ловчих соколов и вновь как-то незаметно перешли... На смешливых и податливых красавиц, имеющих в тверском кремле в очень даже приличном количестве.

– Ох, ё!..

Васька Старицкий, ввиду расслабленности и легкой истомы позабывший о коварстве медовухи, попытался было выйти из-за стола и едва не расшиб себе лоб, споткнувшись на ровном месте о собственные же ноги.

– Уже набрался?!

– Кто, я?!

Бум!

Медовуха оказалась сильнее, и при ясной голове и полной памяти княжич познакомил-таки свое чело с мягкой липовой лавкой.

– Чего ржете, кони!

Не скрывая улыбки, царевич кивнул Тарху и верному подручнику, отправляя их на помощь троюродному брату, коего в процессе поднимания за малым не стукнули темечком о лавку (это Адашев отличился) и разок закатали под стол (а это уже стараниями Мишки Салтыкова). Но все же благополучно подняли и усадили, да.

– За государя-наследника!

Большая умница Федор Мстиславский, по своему обыкновению, тонко прочувствовал момент, одним тостом погасив все возможные пререкания между Старицким и его нарочито-неловкими «помогальщиками». Все разом выпили (правда, царевич только пригубил), затем не менее дружно совратили Адашева с пути трезвенника, убедив таки его сменить в кубке пшеничный квас на вишневую медовуху – в конце-то концов, ну чего стесняться и опаситься, когда вокруг все свои?! Строгие отцы далеко, приставленные ими к своим чадам дядьки-воспитатели тоже не близко, а Дмитрий Иванович против хмельного питья не возражает. Лепота, одним словом!..

– Я ей ладонь за пазуху да на грудь, а она в руку мне вцепилась и молчит. Я норовлю дальше ладошкой посунуть – не дает. На себя тяну, так тоже не пускает! И глазищи такие

шальные, что просто ух!!!

– Ну?! А ты чего?..

Как ни странно, победами на любовном фронте хвастался не восемнадцатилетний Горбатый-Шуйский, а скромный сын царского оружничего Льва Салтыкова – большой сластена оказался Мишка до этого дела, ох большой! Ну или отменный фантазер. Что, впрочем, совсем не отменяло кобелиных повадок четырнадцатилетнего «ходока».

– А чего я, коли она меня сама на сеновал затащила да оседлала? Солома еще такая колючая оказалась, весь зад исколола... И колени тоже.

– Га-га-га!.. Ты гляди, какой неженка!

– Да не, как есть жеребец. Оседланный!!!

Переждав взрыв хохота, рассказчик добавил немного драматизма:

– А наутро нас тятя нашел и первым же делом зна-атную трепку задал. Мне. Старыми вожжами.

– Ух-ха-ха!..

– Да духовник на исповеди все выпытывал – было ли чего али не было?

Замахав на страдальца обеими руками (уже скулы свело от смеха), Тарх нечаянно сбил свой кубок на пол, щедро оросив темные плахи ароматной медовухой.

– Ты погляди, еще один напился!..

Пока долговязый Адашев поднимал с пола посудное серебро, дверь в предбанник чуть-чуть приоткрылась, позво-

для кравчему наследника быстро оглядеть все их застолье. Нет ли какого непорядка, не нужно ли чего?

– Федька! А у тебя чего-нито уже было или как?..

Тринадцатилетний Мстиславский многозначительно улыбулся:

– Куда мне до вас, лихих жеребцов.

– Ты гляди, какой скромник!..

Веселый гомон резко утих, когда царевич плавно поднялся с лавки, одновременно поправляя на плече укутывающую его простынку.

– Сидите.

Привставший было вслед за своим повелителем Адашев тут же передумал.

– Отдыхайте.

После звонкого щелчка пальцами в сторону вроде как закрытой двери, она тут же распахнулась, пропуская стольника с новым кувшином медовухи. И еще одного – с блюдом, на котором горкой лежали тонкие полоски копченого мяса. Пока родовитые недоросли радовались пополнению стола, их господин уже покинул предбанник, впрочем, тут же остановившись перед личным мовником²⁸ и сухой простынкой в его руках. На ноги царевича надели мягкие чувячки, влажную гриву волос слегка просушили, после чего и препроводили на один поверх выше – в княжеские покои.

– Господин мой!..

---

²⁸ Банщик.

Встретившая его прямо на пороге Прихожей верная Авдотья буквально полыхала искренней радостью, приправленной толикой жадного нетерпения и нотками недавней скуки. Улыбнуться ей в ответ, по пути в Опочивальню скинуть простыню и чувячки, ничуть не стесняясь белокожей наготы: был когда-то стыд, да весь вышел...

– Уф!

Упав на ложе так, чтобы с краю осталось место для статной служанки, Дмитрий окончательно расслабился. А после первого прикосновения женских рук и гребешка к своим волосам и вовсе начал проваливаться в сладкую дремоту.

«Хорошо...»

Глава 3

Взз!..

Тощий слепень опасливо кружился вокруг неподвижного двуногого зверя со сладкой, теплой и такой живительно-вкусной кровью, обстоятельно примериваясь, куда бы ему присесть. В одном месте его уже встретила плотная ткань, в другом – смазанный жиром и разогретый солнечными лучами металл плотной кольчуги...

Шлеп!

Но стоило голодному насекомому коснуться голой кожи, как его короткая жизнь оборвалась. А сотник царевичевой стражи, Петр Лукич Дубцов, досадливо покривился и еще раз потер правую скулу, быстро осмотревшись по сторонам. Не то чтобы в этом была какая-то особая нужда, просто давала о себе знать намертво въевшаяся в разум и плоть привычка. Да он даже дома, в своей постели, и то спал вполглаза! Впрочем, на поле вокруг него все было спокойно: подчиненные бдили, свита государя-наследника расселась вокруг небольшого костерка, готовясь слегка перекусить на свежем воздухе, сам же Димитрий Иванович сидел на белой кошме посреди пятна буйной зелени, ограниченного со всех сторон зарослями кустов. Кстати, против своего обыкновения он не ходил вдоль кустов крыжовника и боярышника или недвижимо молился, а всего лишь внимательно разгля-

дывал полторы дюжины золотых и серебряных перстеньков. Из тех, коими награждают служилых людишек за верную службу или удачное дело. Ну или гонца за добрую весть. Острый взгляд главного охранителя отчетливо видел, как царевич небрежно ворошил драгоценное жуковинье²⁹, время от времени останавливаясь на чем-то приглянувшемся кольце, а затем, когда оно падало с ладони обратно, минуто-другую что-то выводил остро заточенной чертилкой в небольшой книжице. Спокойный, серьезный – сразу видно, делом занимается, а не играет с золотыми цацками... Правда, не совсем понятен смысл этого его дела – ну так заботы и помыслы правителей очень часто выше разума простых во-ев. Хотя бы оные и были сотниками стражи и дворянами из старомосковского служилого рода.

– Никак государь-наследник кого похвалить желает. А, Петр Лукич?

Три десятника окружили своего командира полукольцом, желая развлечь его (да и себя заодно) небольшим разговором. От костра, вокруг которого разлеглись родовитые недоросли, тянуло вкусным мясным запахом, всю гредло солнышко, шелестела под ветром трава...

– Ну да. Вот только все никак решить не может – кому поперед похвалы плетей пожаловать за нерадение...

Лица десятников стали чуть-чуть серьезнее. Понятно, что сотник шутит, ну а вдруг?..

---

²⁹ Золотое кольцо с драгоценным камнем в оправе.

– ...а кого и жуковиньем золотым наградить за усердие. Потому и ездим сюда третий день подряд.

Один из мужчин вдруг застыл на половине движения, а потом размашисто перекрестился, причем вслед за ним крестное знамение наложили на себя и остальные. Мгновение, другое и волна ласкового тепла схлынула, забрав с собой легкую усталость от жары и оставив вместо нее утреннюю свежесть.

– Да, велика благодать!...

Договорить старшему первого десятка помешала еще одна волна, только на сей раз тепло было колючим. К тому же несло в себе неявную угрозу – в головах воинов слегка зашумело, а тело стало легким и пустым, словно они приняли в себя пару братин крепкой медовухи... Знакомое, очень знакомое им состояние! Ибо точно такое же возникало у каждого, кто вольно или невольно приближался к Димитрию Ивановичу во время его молитвы. Если такого «счастливчика» быстро не оттащить подальше, его начинали бить корчи и судороги, после чего он впадал в странное оцепенение. Или принимался истошно орать – так, словно его жгли огнем. Ни первое, ни второе десятникам совсем не улыбалось, поэтому на слегка заплетающихся ногах они быстро отошли прочь, наблюдая схожее шевеление среди стражей оцепления. А еще тихонечко удивляясь. Тому обстоятельству, что прежде безопасное расстояние перестало быть таковым. Да и государь-наследник вроде бы не молился?

Сам же царевич, не подозревая о тихом переполохе вокруг него, задумчиво хмыкнул и медленно наклонил ладонь, с которой вниз упало несколько крупных капель, расплескавшихся на белом войлоке кляксами темно-багрового цвета. Ладонь наклонилась еще сильнее, и к кляксам присоединился золотой перстень, смятый и оплывший так сильно, словно побывал одновременно и в кузнечном горне, и на наковальне. Надо сказать, остальные «экспонаты» небольшой выставки выглядели очень похоже, все как один отличаясь какими-нибудь странностями. К примеру, красивая серебряная оправа лежала в мелких крошках еще недавно целого топаза. А украшающий другое кольцо крупный аметист словно бы вскипел... Впрочем, на фоне черной сосульки из нефрита и рубиновых брызг на кошке это было еще нормально.

– М-да.

Задумчиво постучав ухоженным ногтем по кляксе, еще пять минут назад бывшей мелким рубином, Дмитрий подхватил книжицу, глянул на карандаш и тут же положил свою «записушку» обратно, вытянув из ножен маленький кинжал. Кстати, тоже слегка пострадавший от его экспериментаторского зудя, – на полированном булате виднелись несколько четких отпечатков указательного и большого пальцев. Заточив темно-синий грифель, он повертел клинок перед глазами, вздохнул и нежно погладил золотистую сталь, аккуратно «затирая» то, что могло бы вызвать неудобные вопросы и шепотки. Поглядел на получившийся резуль-

тат, чуть-чуть подправил, досадливо поморщился и вернул кинжал в ножны одновременно с мыслью о том, что надо его срочно кому-нибудь подарить.

«Бутурлин с Тулы вернется – порадую. И ему награда, и мне меньше мороки».

Совершенно случайно испортив подарок святого старца Зосимы, царевич вначале искренне расстроился. Затем задумался, вспоминая отпечатки собственного тела на колонне и каменной напольной плитке Успенского собора. Сколько раз он пытался повторить подобное? Десять? Скорее уж все двадцать, но без понимания все его попытки были обречены на неуспех. Так бы, наверное, и махнул рукой на это дело, если бы не четки – уж как он их вертел-крутил, присматривался, принюхивался, старался прочувствовать!.. Разве что на зуб не попробовал! Зато постоянно думал, вспоминая и раскладывая до малейших мелочей все то, что делал и ощущал во время своего ночного сидения на подоконнике. Размышляя за обеденным столом, прощаясь с батюшкой, покачиваясь в седле... И уже рядом с Тверью он все же нащупал тропку к правильному выводу. Вернее, предположению. Что, если янтарные бусины на четках, столь легко впитывающие его силу, в один прекрасный момент просто... просто переполнились ей?

– Ладно, подведем итоги.

Пролистав записную книжку, Дмитрий скользнул взглядом по первым записям, ненадолго припоминая, с каким

воодушевлением и надеждой он пожаловал на свою «живую» полянку три дня назад. Место, где он мог развивать свой Узор и тренироваться со средоточием в полную силу... Ну или просто «выгуливать» своенравный источник, не боясь при этом навредить окружающим – как и в пределах любой другой точки выхода геомагнитной энергии. Вроде Успенского собора, например. Недаром же первые христиане строили свои церкви на месте разрушенных храмов языческих богов, а те, в свою очередь, стояли на фундаментах еще более древних капищ. Не дураки были прежние жрецы и волхвы, совсем не дураки...

– Что там у нас первое, янтарь?

Бросив взгляд на четки, окончательно лишившиеся трех бусин из застывшей в незапамятные времена смолы, царевич досадливо вздохнул. Кто мог подумать, что отполированные частыми прикосновениями шарики просто испарятся у него в руках?

– Все же они определенно были наполнены под завязку.

Оказавшись на его ладони, нежно-розовый оникс **ВЫВАЛИЛСЯ** из оправы так, будто никогда и не был твердым камнем, а всего лишь кусочком бело-розового теста. Обсидиан едва не последовал за янтарем, трескались и крошились топаз, сапфир и аквамарин, превратилась в мелкий порошок троица жемчужин, таяли как снег на солнце изумруды и алмазы. Гранит стал мягким как воск, а медь совсем наоборот – ломкой, как первый ледок, серебро же быстро черне-

ло. Дерево, причем любое, сначала становилось очень крепким, а после определенного предела темнело и разом рассыпалось в мелкую труху. Лучшее всего себя показала пластинка черного нефрита, мелкий рубин чистой воды и обычный кварц – держались до последнего, словно сухая губка впитывающая направленные потоки силы и медленно-медленно изменяя свое состояние: тот же нефрит неохотно приобрел свойства пластилина, рубин на короткое время перешел в жидкое состояние, а кварц покрылся густой сеткой мелко-ветвистых трещин. Еще можно было отметить булат – в отличие от тульской стали и железа, начинавших стремительно ржаветь, он только прибавил прочности и гибкости. Впрочем, доводить отличный клинок до крайнего предела его владелец не стал. Во-первых, просто жалко. А во-вторых... Окинув взглядом кучку покореженных оправ и уцелевших перстней, он достал из левого рукава небольшую холщовую калиточку и начал медленно закидывать в нее драгоценный лом.

«Да уж. Дьяк-казначей, конечно, ничего не скажет. Мне. А вот отцу настучит обязательно. Значит, кольца ему показывать никак нельзя. Гм, когда там у меня по плану поездка в Александровскую слободу? Как раз по ее результатам можно будет наградить ученичков золотыми да серебряными колечками единообразного вида – таким прообразом медалей-орденов. Кстати, а действительно!.. Может, придумать какие-нибудь значки на грудь? Что-то вроде подмасте-

рье, мастер и так далее?...»

На краткое мгновение перед глазами встала принадлежащая ему некогда звездочка с багровыми лучами, в центре которой был изображен пухлощекий мальчик с кудряшками на голове. Вечная беготня по поручениям учителей, сбор старых газет и ржавого металлолома, построения-линейки...

«Да уж. Октябренок, будь готов! Канэшна, дорогой, буду!...»

Мысленно плюнув и выкинув из головы несвоевременные воспоминания, рослый подросток тринадцати лет (а со спины можно было дать года на три-четыре постарше) поднялся на ноги. Глянул по сторонам, подметив встрепенувшуюся охрану, и, раздвигая вымахавшую до середины живота густую траву с недовольно запищавшими в ней комарами, дошел до своего неудачного проекта. После первых успехов в селекции свеклы, картошки и помидоров с подсолнечником (в сторону увеличения размеров и улучшения вкуса) Дмитрий загорелся идеей живой изгороди. Вернее, не так. Ему захотелось вывести кустарник, ветки которого были бы прочны как железо (а лучше – сталь), с длинными шипами и могучей корневой системой. Еще крайне желательно, чтобы получившийся «кустик» был хоть чуточку ядовит и рос со скоростью бамбука... Посадить такую прелесть по берегам речных переправ и поперек шляхов, по которым ходят в свои набегι крымчаки и ногаи – вот был бы им сюрприз, вот бы была «радость»!

Сших!..

Слегка качнувшись, ветка боярышника спланировала на траву, чуть-чуть задев листочками руку, уверенно и вместе с тем мягко держащую булатный клинок.

Сших-сшии!..

Еще две ветки упали вниз, после чего их погубитель внимательно освидетельствовал гладкие срезы, мысленно прикидывая – сколько времени займет геноцид кустарника у обычного степняка.

– Хм!

Ткнув пальцем в одного из охранников, Дмитрий пома-нил его к себе, а когда бравый воин верхом на злобно похри-пывающем жеребце приблизился к внешней стороне живой ограды, приказал спешиться и прорубить себе путь внутрь. Сто ударов сердца! И то исключительно потому, что страж-ник орудовал саблей крайне бережно (чтобы не попортить клинок) и с основательной неторопливостью, чтобы и само-му пройти, и коня провести за собой.

– Ступай.

Подождав, пока его «ассистент» займет свое прежнее ме-сто в цепочке охранников, царственный отрок дал волю чув-ствам, пробормотав очень неприличное ругательство. А по-том его и расшифровав:

– Неудача!

Раздраженно зашипев и поглядев по сторонам, царевич закрыл глаза, успокаивая моментально встрепенувшийся ис-

точник. Впрочем, тут же передумал и разом выплеснул окрасившуюся в эмоции силу вовне, ощутив в разуме и средоточии приятную пустоту.

– Опять неудача...

Подметив, как разом встрепенулись чернокафтанники, Дмитрий слабо удивился.

«Зацепило, что ли? Шагов семьдесят будет. Нет, для меня далековато».

Впрочем, суета охранников почти сразу получила свое объяснение в виде приближающегося дробного топота копыт и слышного издалека веселого гомона родовитых недорослей, не входивших в его ближний круг, но все равно числившихся в свите наследника. По решению царственного отца, разумеется.

– Приперлись-таки!..

Надо сказать, подобное отношение к их кровиночкам заметно огорчало простой боярский и княжеский люд, который по сию пору так и не смог разгадать, почему одни свитские государю-наследнику по душе, а других он и видеть не хочет. Ладно бы кто на рожу был крив или разумом скорбен – так нет же. Все как один на лики приятственны, воспитания и происхождения отменного и готовы к любой службе хоть день и ночь напролет! На охоте (что соколиной, что псовой, что с рогатинкой – да любой!) забавиться и царственному сверстнику прислуживать, в потешных боях участвовать, скачках там и купаниях, иные развлечения приурочивать.

По девкам опять же... Кхм. Нет, ну скучно же, если в жизни одни книги, молитвы да державные заботы! Которые, кстати, тоже можно было бы разделить с холопами верными великого государя Иоанна Васильевича и его благословенного самим Вседержителем наследника.

– Придумал тоже батюшка – местом в моей свите своих бояр награждать!

Недовольно фыркнув и глянув на солнце, Дмитрий глубоко вздохнул и направился прочь из царства буйной зелени, выйдя наружу как раз сквозь новый проход. Впрочем, пройти он успел всего лишь какой-то десяток шагов, потому что бдительный сотник моментально подвел к нему игреневого кабардинца, чтобы царевич не утруждал зря свои драгоценные ноги.

– Димитрий Иванович, подкрепишься малость? А то на пустое брюхо да в обратный путь...

Ответив легким кивком на низкие поклоны догнавшей его свиты, первенец великого князя с высоты седла оглядел небольшое костровище, особое внимание уделив покрывшейся золотистой корочкой куриной тушке, расположившейся над слабо рдеющими угольками. Подумал и отрицательно качнул головой. Какое удовольствие есть, когда тебе в рот заглядывает два десятка недорослей, соперничающих за любой знак внимания?

– Тогда, может, по дороге?

Насмешливо хмыкнув такой выдающейся заботе со сто-

роны княжича Старицкого, сереброволосый отрок все же согласно кивнул, одновременно вспоминая, что оставил на «живой полянке» калиту с перстнями и записную книжку. Нет, они там конечно же не пропадут... Но все равно непорядок, тем более что к некоторым его вещам обычному человеку лучше было не прикасаться. К примеру, содержимое скромного с виду холщового мешочка, небрежно брошенного на белую кошму, столь отчетливо фонило его силой, что в ближайшую неделю-другую могло запросто и покалечить. Разумеется, сделать наградные перстеньки безопасным для окружающих недолго (да и несложно), но тринадцатилетнему экспериментатору было крайне любопытно, за какое время отпечаток его энергетики полностью развеется из уцелевших в оправках драгоценных (и не очень) камней.

– Димитрий Иванович?..

Отмахнувшись от дальнейших вопросов, наследник трона московского направил своего игреневого красавца к плотным зарослям боярышника и берсеня, с тем чтобы на самой границе живой изгороди ненадолго покинуть седло. В принципе, можно было заехать и так, но боевой жеребец, злой, бесстрашный и упрямый по определению, категорически не желал заходить за ее пределы. И заставлять Беляша царевич не торопился, хотя и мог. Если уж людям в пределах его тренировочной площадки быстро становилось не по себе, что тогда говорить об умных четвероногих помощниках, чувствующих природу куда тоньше двуногих друзей-хозяев?

«Интересно, куда это делись комары? Неужели мечты мои сбылись и они все разом передохли?»

Первым делом подхватив с кошмы записную книжку, Дмитрий тут же упрятал ее во внутренний карман – очередное свое «изобретение», не получившее пока большого распространения. Деньги хранили и носили в поясе, челобитные и грамотки – за пазухой или в рукавах. Ключи – опять же на поясе или за голенищем сапога...

Взз!..

– Кыш, вампир летающий!

Отогнав от лица настырно жужжащего слепня, подросток подцепил за увязанную горловину холщовый мешочек и развернулся, собираясь идти назад, но, сделав пару шагов, резко остановился, осознав в окружающем пейзаже какую-то неправильность. Быстро осмотревшись, он повторил это действие еще раз, только уже медленнее, после чего озадаченно хмыкнул:

– Интересно девки пляшут!..

Внимательно осмотрев срезанные ветки на месте нового прохода, организованного по его приказу «садоводом-любителем» в черном кафтане, Дмитрий поворошил носком сапожка желтые листья, засохшие и скукожившиеся так, будто на дворе стоял не июнь месяц, а самое малое – ноябрь. Поглядел на боярышниковую изгородь,носящую следы легкого увядания, припомнил, как он стоял и куда смотрел в тот момент, когда выплескивал раздражение...

– М-да. Чем больше я знаю, тем меньше понимаю!..

Молодая незамужняя женщина, чьи одеяния выдавали как приличествующую ее положению скромность, так и определенное богатство, перекрестилась, завершая свою молитву, глубоко вздохнула и в сопровождении своей служанки вышла под серое предрассветное небо, где еще раз перекрестилась и бросила пару монеток покрытому мелкими язвами нищему.

– Спаси ты Бог, боярыня!

Пройдя дюжину шагов, добрая христианка поддалась своему любопытству и еще раз оглядела новехонький трехглавый собор Троицы Живоначальной. Легонько улыбнулась, затем, вспомнив кое-что, неспешно двинулась на западную сторону белокаменного строения, где после недолгих поисков и увидела искомую надпись. Подошла чуть поближе и старательно начала читать, теща свое любопытство:

«Лето 7072 совершен бысть сии храм во имя Живоначальной Троицы месяца августа 15 при благоверном царе Великом князе Иване Васильевиче и всея Росии. При епископе Акакии Тферьском замышлениемъ и строением раба Божия Гаврииль Андреевича...»

Разбирая выбитые на камне буковки, родовитая богомолица на мгновение прервалась, с тем чтобы услышать за спиной незнакомый мужской голос:

– Тоушиньского.

Недовольно поджав губы, боярышня рода Старковых плавно обернулась, чтобы поглядеть на невежу, осмелившегося нарушить ее покой. Впрочем, недовольство почти сразу поугасло, ибо незнакомец был вполне прилично одет, зубы не скалил, да и вообще был крайне серьезен, поэтому она всего лишь изогнула в молчаливом вопросе соболиную бровь.

– Боярин Бороздин.

Одновременно с этим мужчина средних лет раскидал в стороны края небольшой тряпицы у себя на ладони, подставляя под первые солнечные лучи темный янтарь небольшого кольца.

– С просьбишкой слезной и нуждою великой до государя-наследника Димитрия Иоанновича.

Еще раз оглядев незнакомца, все-таки оказавшегося просителем, личная челядинка царевича позволила себе проявить недовольство (а нечего со спины подкрадываться!) вслух:

– Кольцу должно быть на руке болящего. Вот только ты на него не похож!

– Твоя правда, боярыня. Со мной, слава богу, все в порядке – с сестричем³⁰ моим нелады.

Проследив его взгляд, Авдотья увидела богато одетого недоросля в окружении троицы боевых холопов³¹. Юноша

---

³⁰ Устаревшее – сын сестры, племянник по сестре.

³¹ Воины, лично зависимые от своего боярина или дворянина, вооружаемые

что-то энергично жевал, да и вообще отличался чрезмерной упитанностью (если не сказать более), а воины его не столько охраняли, сколько опекали. Приглядевшись повнимательнее, верховая челядинка едва заметно поморщилась: подбородок испачкан в чем-то жирном, из носа сопли текут, рожа вся в прыщах, пальцы пухлые, с трудом воинским незнакомые... Фу! Скосив взгляд на сопровождающую ее служанку, боярышня увидела у той на лице схожие эмоции.

– Следуйте за мной.

Не успело солнышко и наполовину выглянуть за виднокрай³², как они уже дошли до княжьего терема, «потеряв» по дороге всех трех боевых холопов и не замеченную в первый раз мамку-няньку юродивого боярича.

– Стоять! Кто такие, куда?

Несмотря на грозные словеса, стражи были спокойны, вдобавок не забыли проявить должное уважение – правда, исключительно к верховой челядинке. Внимательно оглядев невзрачное кольцо, кое-как надетое на мизинец боярича (так и норовящего спрятаться за широкой дядькиной спиной), воины в черных кафтанах освободили путь, выделив гостям должное сопровождение вплоть до покоев хозяина тверского кремля.

– Сними.

им за свой счет и состоящие на полном его содержании. Набирались из бывших казаков, безземельных дворян, обнищавших детей боярских и т. д.

³² Старославянское обозначение горизонта.

Услышав короткое и вообще-то довольно обидное требование, боярин Бороздин беспрекословно ему подчинился, спокойно расставшись с оружейным поясом и вытерпев быстрый обыск.

– Дядя?..

Дернувшийся прочь от чужих рук, племянник моментально оказался на коленях и с заломленными чуть ли не до лопаток руками.

– Тихо-тихо, Егорушко!.. Вы это!..

На его довольно тихий протест внимания не обратили, деловито охлопав рыхлые тела на предмет острого железа, недоросля с легкостью вздернули на ноги и подтолкнули вперед.

– Разговаривать с вежеством, челобитьем пустым не докучать, ближе трех шагов не подходить, резких движений не делать. Все ли понятно?

В иных обстоятельствах родовитый боярин определенно нашел бы что ответить теремной страже, в этих же просто промолчал. Хотя бы потому, что руки царевичевых охранителей постоянно лежали на рукоятках боевых ножей.

– Пойдем, Егорка.

Взяв подрагивающего губами сродственника за руку, вотчинник проследовал с ним через Прихожую прямо в Кабинет юного владельца Тверского княжества.

– Вот они, господин мой.

Пропавшая боярышня вновь обнаружилась, но просите-

лю было не до нее, он всю рассматривал своего будущего государя, сидящего за столом. Кстати, стол был довольно странного вида. На обеденный уж точно не походил...

– Кхм!

Спохватившись после намекающего покашливания стражи, боярин согнулся в долгом поясном поклоне, не забыв сподвигнуть на оный и юродивого племянничка. Господи, какая же ерунда лезет в голову в такой важный момент!..

– Говори.

– Многие лета тебе, государь-наследник!!!

Выдернув младшего родича из-за спины, куда тот по своему обыкновению намылился спрятаться, Бороздин еще разок поклонился, на сей раз не очень глубоко и долго.

– На сестрича моего, Егорку, в детстве порчу навели. На милость твою, государь-наследник, только и уповаем...

– Достаточно. Где его отец?

– Три года назад преставился, государь-наследник. Под стенами Полоцка. От стрелы.

Взгляд наследника явно стал благожелательнее.

– Оставишь племянника у меня в гостях до Ильина дня³³. Ступайте.

Провожая взглядом согнувшихся в благодарственных поклонах просителей, Дмитрий еще раз взгляделся в Узор соп-

---

³³ Традиционный народный праздник у восточных и южных славян, приуроченный к церковному дню памяти пророка Илии, одного из наиболее чтимых в Русской церкви святых. Память совершается 2 августа.

ливого дылды.

«Занятно. Это что же, прослеживается определенная схожесть с той энергетикой Федьки, что была у него до коррекции?»

Припомнив основные моменты лечения младшего брата, старший из царевичей надолго задумался, буквально гонясь за ускользающей мыслью. Размышления настолько его захватили, что блюда утренняя отчасти потеряли свой вкус, он что-то ел, что-то пил, но что именно...

«Точно!»

Машинально щелкнув пальцами, хозяин Кабинета победно улыбнулся.

«У Федора здоровых детей быть не могло, но разум все же развивался – пусть и очень медленно. А у этого детинушки с детородной функцией все в порядке, а вот личность застыла на уровне пятилетнего дитяти».

Почувствовав касание прохладного металла к правой руке, царственный отрок с легким недоумением поглядел на Авдотью. Затем на серебряный кубок, который она услужливо подсунула прямо под его ладонь.

– Господин мой?..

Машинально сжав пальцы на витой ножке, Дмитрий равнодушно пригубил питье, оказавшееся его любимым утренним травяным взваром. Затем чуть-чуть мотнул головой, окончательно вырываясь из плена глубоких размышлений, сделал еще пару бодрящих глотков и отставил кубок в сторо-

ну – на следующие шесть часов у него были довольно большие планы.

– Все вон.

Стольники вместе с посудой послушно испарились. А верховая челядинка, которую подобные распоряжения никак не касались (на то она и личная!), тихонечко села в угол, наблюдая, как ее соколик обкладывается доброй дюжиной чернильниц с разноцветным содержимым, придирчиво осматривает оба стальных пера и перебирает набор линейек самого затейливого вида.

Бум!

Пудовая «книжечка» с короткой надписью «Травы», блестящая бронзовыми накладками и замочком, с глухим звуком улеглась на обтянутый зеленым сукном стол, а сам автор уже пятитомного и вполне себе фундаментального труда по целебным и не очень (вплоть до обратного действия) растениям ушел в Опочивальню. Вернулся уже в простой одежде из беленого льна и незамедлительно приступил к своим важным писательским трудам. Которые, правда, несколько подзатынулись...

– Фух! Наконец-то закончил.

Услышав шумный вздох и тихие слова, Авдотья оторвалась от «Сказания о Мамаевом побоище», за чтением которого коротала наполненные ожиданием часы, тут же увидев довольную улыбку своего господина, разминающего кисти рук. Живым зеркалом отразив его хорошее настроение,

она поднесла ему плошки с теплой водой, мылом и аккуратной стопочкой тряпиц: оттирать с пальцев разноцветные пятна чернил. А заодно, не удержавшись, взглянула на разворот пятого тома – вернее, на растения, весьма достоверно нарисованные на глади его больших пергаментных листов, заодно читая и очень разборчиво выведенные строчки.

«Вороний глаз четырехлистный, он же *Paris quadrifolia*, – травянистое растение из рода вороний глаз семейства мелантиевых, крайне ядовит...»

Еще раз поглядев на рисунок, изображавший одинокую черно-лиловую ягоду на тонком стебельке, боярышня-грамотейка молчаливо согласилась с названием. Вороний глаз и есть!

«Лютик ядовитый, он же *Ranunculus sceleratus*, – многолетнее травянистое растение из рода лютик семейства лютиковых, очень ядовит».

– Надо же, а выглядит как безобидная травка...

Прокомментировав нечаянно вырвавшиеся у нее слова согласным хмыканьем, царевич чуть наклонился над рукописью и пригляделся к своим трудам, проверяя, хорошо ли высохли чернила. Затем аккуратно закрыл массивную книгу, тихо щелкнув обоими замочками, и еще раз сладко потянулся – хорошо-то как!

– Прикажешь подать обед, господин мой?

– Мм?.. Да.

Подхватив на руки свое творение, тринадцатилетний пи-

сатель (и злостный плагиатор к тому же) подошел к дубовым полкам личного собрания, занимающего две совсем не маленьких стены его Кабинета.

– Вот сюда, моя хорошая.

Полюбовавшись на прекрасное зрелище пяти одинаковых с виду томов, Дмитрий не удержался и вытащил первый, дабы немного утешить внезапно прорезавшуюся ностальгию. Провел кончиками пальцев по ровным чернильным строкам начальной статьи, поименованной «Система природы»³⁴, перекинув затем страницы до следующей вкладки. И еще раз.

– Философия природы. Рода растений, виды растений...³⁵

Каждая из этих «статеек» занимала относительно мало места, но была, по сути своей, отдельной книгой. И одновременно – частью трудов еще не родившегося шведского естествоиспытателя Карла Линнея. Прославившегося в середине восемнадцатого века именно благодаря своей единой системе классификации растительного и животного мира.

«Можно сказать, ценный трофей из недружественного государства. Или Швеция хоть раз да была для России верным союзником? Впрочем, какая разница...»

Вновь восстановив единство пятикнижия, Дмитрий окинул взглядом свои либерейные богатства и тяжело вздох-

---

³⁴ В действительности ее написал шведский естествоиспытатель и врач Карл Линней в XVIII в.

³⁵ Тоже принадлежат его авторству.

нул – работы ему предстояло еще очень много. Например, перенести на бумагу все, что помнилось из школьного общеобразовательного курса знаний. И не просто перенести, а еще и заботливо отделить то, что ближайшие два века просто не понадобится (вроде ядерной физики или «продвинутой» биологии), разделив затем оставшееся на несколько уровней доступа. Скажем, с первого по второй класс – для ремесленных училищ царства Московского. Третий освоят те, кто проявил особое прилежание и желание учиться дальше. Знания с четвертого по восьмой класс обычной советской школы шестидесятых годов будут доступны только для студентов не существующей пока академии – благонадежным профессорам и академикам которой, в свою очередь, слегка приоткроется курс опять же обычного советского техникума.

«Охо-хо, это ж сколько бочек чернил мне придется еще извести!»

С некоторым опозданием, зато большим аппетитом (а чего, организм-то молодой, растущий!) пообедав, удельный князь Твери расслабленно откинулся на спинку стула и прикинул дальнейшие планы: поработать часик с челобитными, затем показать себя большой свите – соскучились, поди, ироды пустоголовые. Ну а перед сном можно немного погулять на свежем воздухе. Хотя какой он, к черту, свежий? То кузней пахнет, то березовым дымком из печей, или налетит вонь с кожевенных промыслов и незаметно сменится

на запах конского навоза. Настоящая свежесть только за городскими стенами! Аромат луговых трав и свежескошенного сена, сырая свежесть, постоянно веющая от Волги, многообразие запахов дикого леса...

– Господин мой.

Без какого-либо раздражения вынырнув из расслабленно-умиротворенного состояния, царевич выслушал верную Авдотью и разрешающе качнул головой, предвкушающе оживившись. Новости из Тулы!..

– Долгие лета!

Переступивший порог княжеского Кабинета Богдан Бутурлин, уставший и буквально пропитавшийся дорожной пылью, первым же делом отвесил глубокий поклон. А затем, не говоря лишних слов, положил перед своим повелителем увесистый кожаный тул с бумагами.

«Так-так, что у нас здесь? Ну, это не к спеху, это тоже прочитаю завтра...»

Развернув сложенную вчетверо карту, густо покрытую разноцветными значками и линиями, Дмитрий окинул ее беглым взглядом. После чего уделил заметно большее внимание довольно коряво написанным отчетам семерых розмыслов-рудознатцев, кои с ранней весны и до середины лета проверяли все его «откровения» касательно тульских месторождений полезных ископаемых. Ну и заодно «выгуливали» своих учеников, набранных по настоятельной просьбе государя-наследника и находящихся на его же полном обеспече-

нии, что довольно чувствительно отозвалось на его личном, далеко не резиновом кармане.

«Прекрасно!»

Свернутая карта и отчеты пропали в одном из ящичков стола. В другой ящик упала плотная и весьма основательно исписанная пачка листов с бумагами с первого металлургического завода – с ними требовалось разбираться без спешки и весьма обстоятельно. Жалобы, заявки и прошения, вопросы от бывших учеников касательно разных производственных тонкостей, кое-какая статистика... В результате этих нехитрых манипуляций перед Дмитрием остались лежать опустевший тул и грамотка, отчего-то сплюснутая едва ли не в плоский блин. Судя по остаткам небольшой сургучной печати с половинкой оттиска, сие послание было от его личной ученицы Домны.

«Никак Бутурлин рискнул проявить любопытство?»

– Хм?..

– Это я локтем приложился, Димитрий Иванович. Случайно вышло...

Скользнув чувствами по эмоциям своего ближника и не обнаружив в них даже и мельчайших оттенков лжи, царевич едва заметно кивнул, милостиво принимая объяснение. Аккуратно развернул грамотку-блин, вчитался и на пару мгновений слегка прикрыл глаза.

– Я доволен тобой. Отдыхай.

Прижав правую ладонь к сердцу, весьма обрадованный за-

служенной похвалой и в особенности своим успешным участием в настоящем взрослом деле (пусть и не на первых ролях), Бутурлин откланялся.

Динь-динь-динь!

На мелодичные звуки небольшого колокольчика в Кабинет тут же заглянул Мишка Салтыков. Честно говоря, секретарь из него был так себе, но за неимением лучшего... Огласив свое желание незамедлительно увидеть княжича Горбатого-Шуйского, царевич вновь подхватил письмо, в котором шестнадцатилетняя Дивеева коротенько хвалилась успехами на лекарской ниве и довольно толсто намекала, что изрядно скучает по временам своей учебы вообще и по серебрянолобому учителю в частности. Который, кстати, мог бы уже и призвать свою Драгоценность обратно для дальнейшего наставления в лекарском деле.

«Ну да, из столичной Москвы да в провинциальную Тулу, где иные пациенты ее не то что рóвней и человеком-то не считают! Какой девице это понравится? Ничего, отрицательный опыт тоже полезен».

Впрочем, самое главное в послании Домны было изложено ближе к концу, и было это главное сведениями о семье потомственных коновалов³⁶, широко известной в окрестностях тульской засечной черты. К сожалению, она не смогла спасти четыре года назад деревеньку Бехово от визита

---

³⁶ **Коновал** – лекарь, традиционно занимавшийся лечением домашней скотины в русских деревнях.

крымских людоловов, которые в один совсем не прекрасный день все взрослое население и младенцев посекли-постреляли или сожгли вместе с избами, а часть юных мальчиков и всех пригожих девиц определили в полон... Который, в свою очередь, через два дня нагнали и отбили порубежники, частично перебив, частично рассеяв кочевников в короткой и изрядно свирепой сшибке.

«Так, Иван сын Сергиев, пятнадцать лет от роду, бывший закуп³⁷ бояр Горбовых... ставший обельным холопом³⁸ после женитьбы на робе³⁹ год назад. Это что же, в четырнадцать лет женилка зачесалась? Видать, сильное чувство было, раз сам в полную кабалу пошел. А боярин молодец – вначале нашел, а потом и намертво привязал ценного специалиста».

Правда, в связи с тем, что Иван не успел постигнуть все тонкости родового ремесла, он все же уступал в квалификации покойным отцу и деду. Но все равно смотрелся очень даже прилично, иначе кто бы ему доверил лечение домашней скотины и боевых жеребцов? Которые признают только хозяев и всегда рады приласкать чужака копытом или оценить на вкус.

---

³⁷ Крестьянин, получивший от землевладельца ссуду и попавший к нему в зависимость.

³⁸ Полная зависимость человека (фактически рабство) от какого-либо лица. Источниками обельного холопства были купля полоняника, женитьба на рабыне и поступление на службу без особого договора.

³⁹ Обозначение несвободной женщины, то же самое, что обельная холопка. Тот, кто брал ее в жены без предварительного выкупа, сам переходил в ее статус.

«С другой стороны, а куда ему было податься? Имущество сгорело вместе с избой, других родственников не осталось... М-да. Ладно, что там с его сестрой?»

Сестра молодого коновала по имени Аглая тоже оказалась ценным приобретением для боярина Горбова, потому что к своим одиннадцати годкам показала очень даже неплохие задатки лекарки и будущей красавицы. С некоторым опозданием сообразив о возможной двойной выгоде (такая девка и в баньке пригодится, и после боя – раны целить), тульский помещик тут же огляделся по сторонам в поисках подходящей наставницы. А после, по зрелому размышлению, и вообще попытался пристроить девочку служанкой в недавно открытую в Туле Лекарскую избу. А что, и умений да знаний полезных нахватается, и у попов к такому учению никаких претензий не будет!.. Ну, положим, пристроить Аглаю у него вышло... А вот то, что лекарка Дивеева ссудит закупную холопку серебром, а та при свидетелях вернет свой долг благодетелю-боярину – было довольно неожиданно. И, наверное, обидно, поэтому на предложение продать травнице обельного холопа Иванца сына Сергия (разумеется, вместе с его женой) мужчина ответил хоть и сдержанно, но крайне нецензурно.

– Димитрий Иванович!..

Восемнадцатилетний княжич Горбатый-Шуйский коротко поклонился, одновременно скашивая глаза на удобный стул, но без разрешения сесть и не подумал.

– Ты, никак, губы красить начал?

– Я?..

Отправив любвеобильного Петра полюбоваться на себя в зеркало, царственный подросток со скрытой усмешкой наблюдал, как тот рукавом начал стирать мазок виноградной помады. Ох уж эти тверские модницы...

– И ведь никто даже полсловечка не сказал. Аспиды! Уж я им!..

– Довольно. Читай.

Согнув и сложив письмо так, чтобы на виду осталась лишь нижняя часть, царевич протянул его ближнему. А затем, дождавшись, пока тот одолеет невеликий текст, бросил на стол маленькую калиту, тихонечко звякнувшую новенькими копейками, и положил рядом с ней невзрачное янтарное кольцо.

– Найди этого Иванца. Выкупи. Привези ко мне.

Ох как полыхнул эмоциями потомок удельных суздальских князей! Для начала сильным раздражением и даже гневом – как так, его, наследника знатнейшего рода, посылают за каким-то там ничтожным холопом!.. Затем пришла досада с изрядной толикой обреченности. Первое – потому что по канонам родовой чести ему полагалось всеми силами откреститься от предложенного «счастья». А второе... Отказаться-то можно, вот только как это воспримет Димитрий Иванович? И так-то до дел своих допускает редко, чуть ли не награждая поручениями тех, кому по-настоящему благо-

волит и доверяет. Проявишь норов, а ну как из ближней свиты изгонит? Или того хуже, просто перестанет замечать?..

Впрочем, на смену досаде и обреченности довольно быстро пришла радость, когда молодой княжич наконец-то сообщил, что следующие две-три седмицы (а то и поболее) он будет сам себе хозяин и голова. Ни тебе завистливых и внимательных глаз других свитских, ни дядьки-пестуна, даже служилых людишек подле него и то самую малость будет. Свободен аки ветер! С этой позиции поручение выглядело совсем иначе. Хотя даже так сомнения и тлеющее недовольство никуда не ушли, всего лишь до времени утихнув.

– Все исполню, Димитрий Иванович.

– Перед отъездом зайти – возьмешь грамотку для Дивеевой.

Вот тут никакого недовольства не было – общаться с красивыми девицами восемнадцатилетний ловелас был готов где угодно и когда угодно.

– Ступай.

Проводив ближника нечитаемым взглядом, Дмитрий легонько вздохнул и покачал головой.

«Дело вроде простое, но отчего же мне кажется, что он и такое может запороть?»

К сожалению, из всех кандидатов на общение с тульским помещиком княжич Петр подходил больше всех. Такому родовитому просителю и отказать-то толком не получится, а уж обматерить... После такого подвига только в вольные казаки

и уходить, причем всем семейством.

«Ладно, будем надеяться что Горбатый-Шуйский и Горбов все же найдут общий язык. Все же они, хе-хе, некоторым образом тезки».

Пододвинув к себе высокую горку челобитных, царевич взял в руки первую орленую бумагу, но вчитаться в ее содержание не успел.

– Господин мой.

На стол легло колечко светлого янтаря.

– Купец гостиной сотни Акинфий слезно просится до тебя.

«Никак у купчины кто-то умирать наладился? Эх, не видеть мне сегодня свежего воздуха...»

Бах!

От вздымающейся в небо перепелки брызнули в разные стороны перья и кровь, после чего она камнем полетела к земле.

– Хм!..

Горделиво подбоченившись, княжич Семен Курбский украдкой покосился по сторонам – все ли видели, все ли оценили?

Бух!

Еще одну птицу постигла скоропостижная смерть, на сей раз от твердой руки Ивана Захарьина.

– Давай!

Понятливый сокольничий выпустил из корзины сразу пять перепелок – прямо под частые выстрелы родовитых недорослей. Треск и грохот короткой канонады лишь придал лесным птицам дополнительных сил. И удачи – судя по тому, что трое пернатых благополучно выжили и обрели волю.

– Ха, косорукие!

– Сам такой...

– Кто в крайнюю справа после меня поцелил?!

– Мой выстрел своим выдать хочешь?..

– Ты это... на чужой каравай роток не разевай!!!

Честно говоря, пернатый «каравай» выглядел неважно: разорванный чуть ли не на три части попаданием рубленого куска свинца. Но уступить его ровеснику-сопернику? Да никогда!

Буфф! Буфф!

Резко замолчав, задиристые свитские внимательно пронаблюдали, как в сотне шагов от них медленно и даже как-то величаво упала воткнутая в землю жердина с распяленным на ней рваным тягилем, плотно набитым прошлогодней соломой и старыми тряпками.

Буфф!

Еще у одного чучела, кое-как изображающего степняка на коне, отлетел в сторону небольшой щит, а Василий Скопин-Шуйский, малость припоздавший со своим выстрелом, белозубо улыбнулся и с явным удовольствием погладил простецкого вида пищаль, выделанную для государя-наследни-

ка в царских мастерских Александровской слободы. Без каких-либо узоров, украшений и с прикладом необычного вида. Да что там приклад – стенки у ствола были такие тонкие, что и стрелять-то страшно: а ну как металл разорвет? То ли дело привычные самопалы: ложи всячески изукрашены, стволы из железа кованого, толстостенного, да и калибр вполне хорош – мало у кого внутрь дула большой палец не пролазит. Тяжеловаты, правда, просто так с рук не стреляешь... Зато надежные! Особенно те, что с фитильным замком, у которого, как известно, и ломаться-то особо нечему.

Буфф!

– Смазал.

Тарх Адашев досадливо покривился:

– Все привыкнуть не могу. Прямо не пищаль – пушинка какая-то!..

– Ружье.

Слегка поклонившись своему господину, свитский тут же поправился, а Дмитрий, взвесив пятикилограммовую «пушинку» на руке, тихо хмыкнул и вытянул из небольшой сумки бумажный цилиндр с уже отмеренным зарядом и увесистым шариком пули. Скусил верхушку, сыпанув пороха на запальную полку кремневого замка, и одним движением задвинул крышечку на полке, уберегая крупные гранулы горючего порошка от ветра и высыпания. Вытряс остальной порох в пованивающий свежим нагаром дульный срез, перевернул цилиндр доньшком вверх и вдавил его туда же, по-

работав затем деревянным шомполом. Тихо щелкнул курок, вставая на боевой взвод...

Буфф!

Многострадальное чучело-всадник отчетливо покачнулось, но падать и не подумало. Пропустив мимо ушей немудреные славословия Большой свиты, Дмитрий упер ружье прикладом в землю и с непонятным для окружающих выражением лица оглядел овальную мушку и исходящий легким дымком дульный срез.

«Ну и куда здесь пришпандорить штык? А главное – как?»

Собственно, крепить пока было нечего, потому что он еще не определился с самим штыком – вернее, с тем, каким именно он будет. В пользу плоского штык-ножа была его высокая универсальность: и колоть им можно, и резать, а при нужде и как инструмент вполне ничего (за отсутствием нормального, разумеется). А в пользу четырехгранного «шила» были его простота и технологичность вкупе с более высокой надежностью.

– Добрые самопалы.

Глянув на боярина Канышева, незаметно для свитских подкравшегося к месту их развлечений, царевич проследил направление его взгляда и внутренне поморщился при виде сиротливо лежащей пары седельных пистолей. Потому что это был, так сказать, «дипломный проект» одного из его самых толковых личных учеников, не без оснований претендовавшего на гордое звание токаря-станочника. И слесаря.

И немного столяра. Одним словом – мастера-оружейника...
«Хрен ему, а не звание и личное клеймо! Говорил же – никакого украшения, максимум надежности и удобства. И калибр чтобы такой же, как и у ружей. Так нет же, выиграло ретивое!...»

Меж тем, оглядев со всех сторон явно пришедшиеся по душе и руке пистолеты, боярин вопросительно глянул на сереброволосого отрока, которого не далее как этим утром изрядно погонял два часа в конном сабельном бою. А потом с полчасика и в лучном – разумеется, стрелы метал тоже из седла и на легком галопе.

– Заряжены.

Щелкнув курками, наставник сразу двух царевичей (старшего и среднего) огляделся по сторонам, выбирая достойную мишень.

– Ага!

Дуф! Дуф!

Попавший под обстрел воробей прямо с места развил неплохую скорость, вдобавок передвигаясь по сложной кривой (то есть шарахаясь от всего, что его пугало). Проводив взглядом верткую пичугу, Аким сожалеюще цыкнул зубом и выдал довольно неожиданное мнение:

– Хороши! А, Петр Лукич?

Сотник стражи государя-наследника, бдительно надзирающий за порядком вокруг своего подопечного, кинул на седельные пистолы равнодушный взгляд и буркнул, что ему-

де лук попривычнее будет. Тем более что тот тише, скоро-стрельнее и куда как дальнобойнее кургузых уродцев. Полностью согласившись со столь нелестной характеристикой, боярин Канышев все же привел и пару доводов в защиту пистолей, например, возможность резко повысить шансы на победу в поединке одного против многих. Или выбить из седла неудобного супротивника в отличном доспехе.

– Дарю.

Ленивый спор двух опытных рубак прервал царевич, без какой-либо жалости расставшийся с полуметровыми шедеврами пистолестроения. А дальнейшему его продолжению помешал один из чернокафтаников, коротко шепнувший что-то моментально насторожившемуся сотнику.

– Гхм. Димитрий Иванович. Как бы твой гость не того... ненароком... не подох.

Перекинув ружье подручнику, тут же принявшемуся его заряжать, тринадцатилетний тверской князь обернулся в сторону боярича Бороздина, вот уже две недели как благополучно излечившегося от врожденного слабоумия. На диво быстро освоившись в гостях, сей юноша начал потихоньку шалить, как бы невзначай хватая теремных челядинок за разные интересные места. Ладно бы только их, но ведь он и на верховую челядинку заглядывался – причем один раз сделал это прямо при ее господине. После чего сластолюбивому бояричу тут же прописали воинские упражнения, прикрепив аж четырех надсмотрщиков с нагайками... кхм,

то есть наставников. Под их присмотром бедный Егорушка с самого раннего утра и до позднего вечера бегал, прыгал и даже ползал, махал деревянным клинком, бердышом и вполне себе настоящей рогатиной... Тупой, правда, зато с тяжеленным наконечником. А чтобы он, не дай бог, не поранился, наставники выдали ему толстый стеганный поддоспешник, крепкий шелом с наручами, а также надежнейшую кольчугу двойного плетения и тщательно следили, чтобы великовозрастное «дитятко» все это на себе носил. В результате такой заботы выматывался Егорий до того, что пару раз засыпал прямо на ходу, а фигура его, еще недавно радующая глаз своей полнотой, усохла чуть ли не вдвое. Кожа по всему телу обвисла, на руках появились первые мозоли, зато бесследно пропали многочисленные прыщи и привычка к всяческим разносолам и сладостям. А уж как бегать научился!..

– Сюда его.

Оглядев повисшего на руках у своих «наставников» боярича и оценив его крайне нездоровый вид, целитель недобро улыбнулся:

– Притворяется.

И в самом деле его гость прямо на глазах ожил и налился легким румянцем, бессмысленно лупая глазами по сторонам. Получив разрешающий кивок царственного отрока, старшина «наставников» незамедлительно продолжил тренировочный процесс.

– Пшел!..

Хлесткий удар нагайки по бедру окончательно помог молодому Бороздину принять вертикальное положение, а также напомнил, что его леность и вожденная миска горячей пшенной каши – вещи ну абсолютно несовместимые.

– Быстрее!

Глядя на то, как молодой тверской помещик улепетывает от своего мучителя, дружно захохотали свитские государя-наследника, их почин тут же подхватила вертевшаяся невдалеке дворня, улыбнулись в бороду наблюдающий за развлечениями родовитой молодежи городской боярин Пушнов и несколько приказных дьяков...

– Петр Лукич.

Смех ближников как отрезало, хотя остальные свитские продолжали отводить душеньку, выкрикивая вдогонку бегу-ну довольно обидные шутки.

– Димитрий Иванович?

Развернувшись в сторону дальнего края пустыря-стрельбища, на котором рядовой чернокафтанник с некоторой ленцой ставил синяки и шишки служилому в кафтане воротной стражи, наследник ткнул в непонятную картинку двумя перстами и удивленно изогнул правую бровь. Тихонечко кашлянув (ничего-то от царевича не скроешь!), сотник коротко пояснил:

– Сам вызвался. Мол, и ему наука, и нам польза.

Словно иллюстрируя эти слова, деревянная сабля в руках охранителя крепенько приложилась к ребрам живого

«чучела», бросив того на колени. Ненадолго. Отдышавшись, служивый подхватил с земли выпавшую из ослабевших рук деревяшку и вновь изготовился к учебному бою. Для него учебному, потому что для воина в черном кафтане это было чем-то вроде веселого отдыха.

– Как звать, кто таков?

– Архипка, городской стрелец, сирота. Родитель его вроде как в боевых холопах у кого-то из помещиков служил, да лет пять назад вместе со своим боярином и сгинул...

Постаравшись припомнить что-нибудь еще, постельничий боярин замолчал, а потом едва заметно хмыкнул:

– В сотню просился.

Позади царевича звучно фыркнул Аким Канышев, умиляясь такой наивности. Ни мастерства, ни славы воинской, рода низкого, только-только от сохи, а туда же, в постельничие стражи лезет!

– Ну и как он?

Словно отвечая на вопрос царевичева наставника, служивый вновь отправился отдыхать на землю – под неслышимые, но явно обидные смешки противника. Который, впрочем, легко уступил «чучело» подошедшему десятнику. А что, начальство тоже веселиться любит!

– Староват.

С явным сожалением (и вместе с тем одобрением) оглядев воротного стражника, в какой уже раз вздевшего себя на ноги, главный царевичев охранитель подвел черту:

– Его бы лет с пяти в обучение – тогда был бы рубака не хуже моих. А так... только в стрельцы и годен.

«Хм, а служивый-то амбициозен, упорен и терпелив. Прекрасные качества для любого исполнителя... Ладно, пороха нюхнул, свиту выгулял – пора до дому, до хаты».

Внешне все выглядело так, будто наследник разом потерял интерес к продолжению своих «пострелушек».

– Пожалуй, на сегодня довольно.

Шагая сквозь моментально возникшую суету и торопливые сборы, царевич прикинул несколько вариантов использования так удачно подвернувшегося Архипки и легонько кивнул сам себе.

– Адашев.

Княжич Скопин-Шуйский, уже примерившийся было придержать стремя для своего господина, недовольно дернул щекой и послушно отошел в сторонку, даже не пытаясь подслушать.

– Дмитрий Иванович?

Долговязый Тарх глядел так, что сразу становилось понятно – что бы там ему ни приказали, умрет, но сделает.

– Возьмешь «чучело» себе в услужение.

Оставив Адашева позади, тверской князь вместе со стражей и свитой без особой спешки добрался до своей резиденции, затратив на путь всего пятнадцать минут. Шел бы один, пехом и напрямик, то и в половину этого срока уложился бы, но... Наследнику трона Московского и всея Руси

полагается передвигаться только конно, только по главным улицам и в окружении приличествующей ему свиты и охраны. Иное же неуместно, ибо умаляет его высокое достоинство.

«Батюшке на придворных церемониалах и вовсе шагу не дают ступить по голой земле – коврами, гобеленами да тканями дорогими путь устилают. Один стремя придержит, другой повод подаст, третий царского скакуна за уздцы ведет и попробуй откажись от этих помогальников. Сразу такие вопли начнутся о попрании вековых традиций и извечных боярских прав и привилегий!.. Тьфу!»

Впрочем, по сравнению с женской половиной царской семьи, царевичи пользовались чуть ли не полной свободой. Потому что, к примеру, при прогулках за пределами Теремного дворца им не надо было наряжаться в тяжеленное платье, ткань которого почти не сгибалась от обильной золотой вышивки и драгоценных камней. Не надо было цеплять на себя множество украшений. И уж точно отсутствовала необходимость скрывать от подданных лицо за полупрозрачными кисеями и общаться с окружающим миром исключительно посредством доверенных челядинок.

«Неудивительно, что сестра при каждой удобной возможности сбегает из женской половины дворца. Так. А это что за новость?!»

Остановив Уголька у красного крыльца княжеского терема, Дмитрий мельком и вполне привычно просканировал

окружающих на предмет необычных или слишком сильных эмоций, после чего изрядно удивился, почувствовав исходящий от встречающей его Авдотьи сердечный интерес. Проверил еще раз, различив в ее эмоциях нотки почти незаметной влюбленности, удивился еще сильнее, только со знаком «минус» и только после этого догадался оглянуться.

«Ага. Сотник постельничей стражи, Бутурлин, городской боярин и наставник Аким. Остальные стоят дальше. Ну и кто именно?..»

Увы, разгадать столь занятный ребус с ходу не удалось, потому что от ворот, вместе с предупреждающими криками, показались царский гонец и два его охранителя. Замызганная одежда, усталый вид и характерное выражение лица посланника молчаливо свидетельствовали об особой важности доставленных им вестей.

«Надеюсь, все живы и здоровы, и отец не приготовил мне никакого спешного поручения...»

Хрустнув алой сургучной печатью с оттиском единорога, наследник в полной тишине вчитался в содержимое небольшой грамотки, украшенной весьма узнаваемой тугрой великого государя.

– Хм!

Стянув с пальца кольцо, украшенное мелким изумрудом, удельный тверской князь кинул его гонцу, одновременно с этим вливая капельку силы в потускневшие Узоры как самого вестника, так и его охранников. Аккуратно свер-

нул грамотку, вернул ее в тул, после чего едва заметно улыбнулся:

– Рига пала! Повелеваю устроить по сему поводу праздничное веселие!

Однако хорошее настроение государя-наследника было вызвано вовсе не окончанием войны за ливонское наследство. Тем более что это окончание было весьма условным – король польский и король шведский наверняка имели по этому поводу свое особое мнение. Нет, просто отец посчитал его «производственную практику» вполне достаточной, в связи с чем и повелел любимому первенцу потихонечку готовиться к обратному переезду в Москву. Причем выезжать сразу, как в Тверь прибудет новый наместник.

«Скоро мелких увижу!»

Улыбнувшись еще раз, но теперь уже своим мыслям, царевич покинул седло и зашагал по ступенькам вверх.

«А все же интересно, кто тот несчастный, который умудрился похитить сердце моей служанки...»

Глава 4

Какими бы ни были погода и время года на улице, внутри малой зельеварни Аптечной избы всегда было тепло, сумрачно и тихо. Небольшие распашные оконца под самым потолком служили скорее для дополнительной вентиляции – увы, помутневшая от времени и испарений слюда крайне неохотно пропускала солнечные лучи. Так что по-настоящему помещение освещалось дюжиной толстых свечей, чей яркий живой огонь успешно разгонял по углам зыбкие тени, отражаясь множеством бликов в стеклянных поверхностях реторт, колб, мензурок и прочей аптекарской посуды...

– От блин!

Ровное журчание струйки крутого кипятка прервалось легким звяканьем и еще более крепким словом, после того как исходящий паром серебряный ковшик тихо хрустнул деревянной ручкой и едва не выплеснул свое более чем горячее содержимое на Дмитрия. Отскочив в сторонку, юный алхимик пробормотал себе под нос что-то совсем уж непотребное, после чего натянул толстые рукавички и аккуратно снял с горелки котелок с бурлящей водой.

– Вот так.

Залив пузатый кувшин до нужной отметки, царевич оставил котелок, скинул рукавички и прикоснулся к нагретым бокам кувшина, щедро делясь с будущим настоем

своей силой, отданной вместе с пожеланием доброго здоровья. Затем перевернул большие песочные часы, запустив обратный отсчет: ровно через двадцать минут лекарство для архипастыря московского и всея Руси надо будет перелить в другую посуду, добавить еще капельку силы и убрать на склад, где оно в полной темноте и холодке дойдет до нужной кондиции.

«Так, обязательную программу откатал, теперь спецказ».

Открыв запертый на два замка шкаф, чьи толстые стенки и дверцы по надежности могли посоперничать с иными воротами, хозяин зельеварни оглядел пять полок, до отказа забитых ровными рядами одинаковых бутылочек, тихо вздохнул и задумался.

«Н-да, хвалясь своими особыми талантами, я как-то совсем не думал, что они окажутся востребованными... По крайней мере, так быстро».

Выставив на стол десяток компонентов сложносоставной отравы, Дмитрий первым делом подтащил высокий табурет, затем мензурки для смешивания и тару для готового продукта. Поглядел напоследок на тонкую струйку песка в стеклянном «таймере», еще раз вздохнул и принялся за дело.

«Вот уж действительно: все есть яд, и все есть лекарство. Вот это поможет при низком давлении и малокровии, подстегнет уставшее сердце».

Четыре стекляшки едва заметно убавились в содержимом,

наполняя небольшой флакончик довольно изящного вида. Повязав на его узкое горлышко черную нитку, сереброволосый целитель смешал содержимое еще пяти бутылочек.

«Хорошее средство от ревматизма. Даже очень! Жаль, что даже при однократном приеме малой дозы выводится из печени и почек чуть ли не полтора месяца».

Горлышко второго флакончика обвила нитка синего цвета. Третий компонент «лекарства» сам по себе был абсолютно безвредным и почти бесполезным в лекарском деле. Но в сочетании с первыми двумя «настоечками» приводил к гарантированной смерти. Или сердце не выдержит, или печень откажет, да и от инсульта тоже зарекаться не стоит. Кто к чему предрасположен, однако.

«Интересно, о ком это батюшка решил так позаботиться? Надо бы потщательнее присмотреться к его окружению. А может, это для князя... Дуня? А она как здесь оказалась?..»

Почувствовав родственный Узор, алхимик так удивился, что невольно пролил себе на пальцы несколько густых капель. Стряхнув их на пол еще до того, как прозвучал просительно-тихий стук, Дмитрий досадливо пробормотал:

– Очень вовремя, ничего не скажешь... Да!

Услышав в голосе любимого брата тонкие обертоны недовольства, десятилетняя сестра тут же приняла вид скромного ангелочка:

– Митя, а можно к тебе?

– Димитрий Иванович?..

Десятник стражи, вставший в проеме открытой двери в аккурат позади Евдокии, взглядом и лицом спросил – правильно ли он сделал, что пропустил царевну? Позволительно ли ей тут находиться?

– Можно.

Подождав, пока дверь закроют, старший и самый любимый братик с легкой улыбкой поинтересовался:

– Ты как сюда добралась, чудушко? Тебя же мамки-няньки еще на подходе завернуть должны были?..

Десятилетняя Евдокия, с жадным любопытством осматривая зельеварню Аптекарской избы (вернее, непонятное нагромождение стеклянных трубочек и баночек на одном из столов), честно призналась:

– А я всем сказала, что ты меня ждешь.

Вытерев руку специальной тряпочкой, брат закрыл флакончик и повязал на горлышко нитку ярко-желтого цвета.

– Так ты врушка, значит?

Поняв, что гнать ее не собираются, да и ругать за излишнюю самостоятельность тоже, царевна сделала крохотный шаг вперед и с нотками обиды заявила:

– А кто обещал со мной погулять?!

– Я обещал. После обеда.

– А я уже покушала!

Хмыкнув, брат насмешливо покосился на малолетнюю интриганку, убирая одни колбочки со стола и выставляя

на него другие, потому что кроме самого яда нужно было и противоядие. Все же хорошие исполнители воли на кустах не растут, и травить их вместе с жертвой было бы слишком расточительно...

– Ну, тогда помогай. Но перед этим запомни как «Отче наш» – без моего разрешения ничего не трогать!..

Проведя короткий, но очень убедительный инструктаж по технике безопасности, царевич повязал на сестру небольшой фартучек, сунул в руки воронку и поставил перед ней пустую бутылку темно-зеленого стекла.

– Вставляй. Правильно, вот так. Теперь держи.

Буль-буль-буль!

Одной только этой помощью дело не ограничилось – сереброволосый эксплуататор подвел десятилетнего ребенка к ковчегам с растертым в мелкий порошок содержимым, вручил Особый инструмент алхимика (с виду напоминавший обычную костяную лопаточку), мерную чашку и раскрыл книгу довольно мрачного вида на рецепте неведомо-таинственного эликсира:

– Сама разберешься?

Неуверенно кивнув, помощница вчиталась в строчки выдуманной братом новой скорописи, приобретающей в последнее время все большую и большую популярность среди приказных и купеческих писцов. Затем поискала на ковчегцах надписи, нашла и просияла довольной улыбкой:

– Да!

«Чем бы ребенок ни занимался, лишь бы не мешал и запыхался. Ну и устал, конечно...»

Гордая оказанным доверием и приобщением к таинственному (и изрядно пахучему) искусству алхимии, сестра со всем возможным прилежанием выполнила поручение, с десяток раз переспросив, уточнив и даже переделав свой ответственный труд.

– Теперь через воронку засыпаем все вот в эту бутыль.

– Апчхи!!!

подавив улыбку, Дмитрий залил травяную смесь спиртом, энергично встряхнул, добавил капельку своей силы и плотно укупорил.

– А что я сделала?

– Снадобье для батюшки, от головной боли.

«Вернее, от похмелья!»

– Только вот не знаю, с добавлением твоих соплей сохранит ли оно свою силу... Ну-ну, не дуйся, я пошутил. Хочешь, кое-что занятное покажу?

Плеснув немного спирта в миску из белой глины, он ткнул в нее зажженной лучиной.

– Ой, вода горит!!!

Следующий фокус оказался еще зрелищнее – когда хозяин зельеварни спокойно «вымыл» руки в пламени этилового эфира⁴⁰. Насмешливо щелкнув сестру по кончику носа,

---

⁴⁰ Температура горения этилового эфира борной кислоты 40 градусов Цельсия. Всего.

он предложил ей попробовать самой и немедленно похвалил, когда Евдокия все же решилась на такой подвиг.

– И эта водичка тоже горит? Ай!

Довольно чувствительно шлепнув забывчивую непоседу по протянутой руке, брат молча раскупорил полулитровую колбу с серной кислотой и опустил в нее небольшую деревянную палочку. Глядя на то, как деревяшка прямо на глазах темнеет и обугливается, царевна непроизвольно поежилась.

– Понятно, почему без разрешения ничего нельзя трогать?

Отступив на пару шагов и спрятав для пушей надежности руки за спиной, притихшая Евдокия понятиливо кивнула.

– Будь умницей.

Уложив яд и противоядие в небольшую шкатулку, Дмитрий быстро прибрался, скинул спецодежду, огляделся напоследок и увидел, насколько неохотно снимает великоватый ей фартучек сестра и с каким любопытством поглядывает на маленький перегонный куб.

– А это для чего?

Ополоснув руки, брат как можно более простыми и понятными словами описал основное предназначение нехитрой конструкции. А заодно рассказал о трех больших кубах, расположенных в новых амбарах Аптечного приказа – вернее, о том, как давятся от жадности дьяки и ключники Хлебного приказа, постоянно отгружая царским алхимикам отборное зерно, дрожжи, ягоду и даже мед.

– Спиритус вини, иначе винный дух... Как интересно!..

Испросив разрешения, царевна осторожно взяла в руки колбу со спиртом.

– Митя, а для чего он нужен?

– Мне – для настоек, микстур, мазей и тому подобного. В Лекарских избах им мелкие ранки прижигают, инструмент протирают. Мастера Пушечного приказа используют спирт при выделке огненного зелья – смачивают пороховую мякоть и протирают ее сквозь сито. Получаются зернышки одинакового размера, которые и горят лучше, и хранятся дольше – вроде как вместо одного года целых пятнадцать лет... Пойдем?

За дверью зельеварни их ожидали только чернокафтан-ные стражи, зато на выходе из приказной избы тут же встрепнулись две верховые челядинки и троица мамок-нянек, попытавшихся было подскочить к своей десятилетней госпоже.

– Не проголодалось ли солнышко наше?

– В покои пойдем, Евдокия Ивановна?

– Ой, венчик⁴¹ надо бы поправить!..

Самая быстрая из челядинок даже успела протянуть руки к золотому укоснику⁴² поджавшей алые губки Рюриковны,

---

⁴¹ **Венчик, венец, увясло** – девичий головной убор, узкая полоска металла или материи, охватывающая голову и скреплявшаяся на затылке, которой придерживались распущенные волосы или коса.

⁴² Вплетенная в косу золотая нить или золотая же треугольная привеска, богато расшитая жемчугом или иными драгоценными камнями.

но увидела чуть задержавшегося с выходом царевича и мигом передумала – как, впрочем, и все остальные. Потому что не было способа надежнее навлечь на себя недовольство первенца великого государя, чем помешать его общению с братьями и сестрой. Впрочем... пожалуй, все же был – всего лишь умыслить недоброе на младших царевичей и царевну. Печальный опыт черкесов из свиты царицы Марии Темрюковны тому был зримым свидетельством. Более того, их проступок по сию пору сказывался на других прислужниках великой княгини: ее стольники, стремянные, рынды и прочая дальняя и очень дальняя черкесская родня – все они рано или поздно начинали хворать. От вредного московского воздуха у них сильно болела голова, ломило кости, распухали суставы... И даже благословенный Вседержителем синеглазый целитель ничего не мог с этим поделать – хворь-то он прогонял, вот только она, окаянная, раз за разом возвращалась обратно. Ох как бесилась гордая черкешенка-красавица в одеждах царицы, вынужденная смирять нор и вежливо ПРОСИТЬ пасынка снизойти к болячкам своих свитских! Ах как сверкала глазами!..

– Митя.

Евдокия оглянулась на свое сопровождение, убеждаясь, что они достаточно далеко. Затем открыла рот для важного вопроса и неуверенно замялась, не зная, как выразить свое довольно-таки расплывчатое желание словами.

– А этой алхимии долго учатся?

Впрочем, старший брат понял девочку правильно – он всегда понимал ее лучше и больше, чем все остальные, вместе взятые, улавливая даже малейшие перепады настроения или любые недоговоренности.

– Среди предметов, которым я тебя учу, будет и эта наука. Немного.

– А?..

– Года через три.

– У-уу!..

Пару раз дернув брата за руку и выразив тем самым разочарование столь немислимо долгими сроками, царевна успокоилась, заодно подстроившись под его неторопливый шаг. Замолчала, обдумывая новый вопрос, и невольно вздрогнула от резкого щелчка плетки:

– Ну-ка в сторону!

Одним из недостатков Ивановской площади Кремля было наличие на ней дьячих изб, в коих приказные служилые принимали разнообразные челобитные, и специального помоста, на котором во всеуслышание объявляли царские указы⁴³

---

⁴³ Именно отсюда и пошло выражение «кричать во всю Ивановскую».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.